

Ярослав КОВАЛЬ
МАГИЯ ВОЗМОЖНЫХ ДЕЙСТВИЙ

Магия специального назначения

Ярослав Коваль

Магия возможных действий

«Лениздат»

2009

Коваль Я.

Магия возможных действий / Я. Коваль — «Лениздат»,
2009 — (Магия специального назначения)

Магия вернулась в мир, и привычный порядок рухнул. Некоторые из простых обывателей превратились в чародеев, и жизнь остальных стала зависеть от их капризов. ОСН – Организация Спецназначения – была создана для того, чтоб навести в новом мире хоть какой-то порядок. Но захватившие власть маги не слишком-то расположены расставаться с нею. Справиться сразу со множеством врагов не под силу даже сильной Организации и даже с помощью союзников из иного мира. Нечеловеческая магия, подкрепленная мощью источников силы, кажется необоримой. Невозможно победить сразу весь мир. Правда, среди сотрудников ОСН встречаются не только люди...

Ярослав Коваль

Магия возможных действий

Иногда Кайндел казалось, что все, происходящее вокруг нее, на самом деле сон. А может, видение? Хорошо зная механизм возникновения видений, она поневоле отмечала, что реальность, создаваемая ее воображением под действием «снега» или же в медитации, своей подлинностью и убедительностью без труда соперничала с Божьим творением. Поэтому реальность, тем более новая реальность, полная удивительных явлений, казалась все менее настоящей.

И, наверное, происходило это потому, что теперь, в этой новой реальности, она играла ту роль, которой прежде, в годы подростковой увлеченности, могла упиваться лишь в мечтах, но никогда не воспринимала серьезно. Не соответствовала ее характеру жизнь бойца из спецподразделения, никак не соответствовала. Вот если б можно было как-то объединить вдумчивую, неспешную жизнь простого обывателя с увлекательными, щекочущими нервы общественно полезными шпионскими или боевыми заданиями – тогда да. Но такое бывает только в фильмах и книгах.

Правда, теперь дилемма отпала сама собой. Не осталось ее, этой «вдумчивой, неспешной жизни простого обывателя». И выбирать не пришлось, просто течение событий подхватило ее, как вода сухую хвоинку, и оставалось только повиноваться. Тогда, два года назад, обращаясь к офицеру ООН за помощью и соглашаясь на последовавшее позднее предложение войти в Организацию, она едва ли всерьез задумывалась о том, *что* с ней происходит. Даже тогда, когда отстаивала свой выбор перед прежними знакомцами, друзьями и врагами, Кайндел не давала себе труда по-настоящему поразмыслить над своей жизнью.

Но сейчас, стоя в арке дома номер сорок один по улице Гороховой, с пистолетом наготове (потому что от магии лучше было по возможности воздерживаться, а неожиданность могла подстергать почти любая), она ощущала полнейшую неестественность того, что с ней происходит. Естественно – это если б она сидела за компьютером, играя в стрелялку, или, уютно устроившись на диване, листала бы книжку. Вот оказаться в роли героя стрелялки или книжки – очень уж странно...

Правда, в отличие от старшего поколения, она, как и ее молодые товарищи, все-таки сумела привыкнуть к новым условиям жизни, гармонично влилась в них. Новые требования, диктовавшие новые принципы поведения, уже воспринимались автоматически. Но время от времени странное чувство возникало у нее (и, наверное, у многих других тоже). Казалось, будто все это сон, просто ответ на какие-то ее глупые мечтания о другой, почти кинематографической жизни. Или, может быть, просто компьютерная игра. Ну какой, в конце концов, из нее боец спецназа? Даже если имеется в виду ООН?

Девушка опустила пистолет и двумя пальцами вытащила из-за пояса зеркальце – обычное зеркальце, отломанное от старой пудреницы. Другого, более подходящего, ей отыскать не удалось. Она притаилась за мусорным баком, очень удачно попавшимся ей на выходе из арки, и осторожно выставила из-за него это зеркальце. Кайндел знала, что человеческий взгляд, тем более прямой и пристальный, большинство людей способны почувствовать. Однако с отраженным взглядом подобное едва ли возможно.

По двору шел Блеск. Его она выхватила взглядом из всего обозримого пространства за долю мгновения – он все такой же смуглый, темноволосый, с небольшой бородкой, подвижный, но при этом медлительный, словно объевшийся хищник, который выбирает местечко, чтоб спокойно подремать. Он шагал неторопливо, разглядывая старую выцветшую вывеску магазина тканей. Сейчас там торговали чем попало, в том числе и домоткаными материями местного производства – из грубой шерсти и крапивного волокна – и всевозможными пугови-

цами, вплоть до неловко оструганных ножом. Несмотря на то, что производство (по крайней мере, артельное) постепенно налаживалось, подобные предметы до сих пор находили сбыт.

В прежние времена девушка ходила в этот магазинчик облизываться на итальянские сукна. Теперь же смотрела на одного только Блеска. Она не могла понять, что ему тут понадобилось, а заодно прикидывала, куда спрятаться, когда он пойдет обратно – двор не был проходным. Правда, слева находилась арка, ведущая в крохотный дворик, куда и прежде, и теперь загоняли небольшие грузовички с тканями, чтоб там их разгрузить. Справа когда-то стояла сетка, огораживающая волейбольную площадку, но сетку давно сняли, видимо, для хозяйственных нужд, и, выломав несколько кусков бордюра для удобства подъезда, теперь владельцы автомобилей парковали там свои средства передвижения.

Спрятаться можно было и за машинами, конечно, однако молодой человек шел дальше, в глубь довольно обширного двора, и из-за машин вряд ли можно было что-нибудь разглядеть. Он не оборачивался, и, когда его скрыли кусты, без единого листика, но даже в таком виде густые, Кайндел решила выбраться из-за мусорного бака и направилась за ним.

Он не обращал на нее внимания. Однако лезть ему на глаза не стоило. Все-таки они были слишком близко знакомы, и если молодой человек ее увидит, узнает немедленно. Девушка метнулась к дверям магазина, сумевшим каким-то чудом сохранить обе стеклянные створки в прежнем состоянии, и, распахнув их, шагнула в магазин. Она знала, что если не прижиматься к дверям, а держаться чуть в стороне, то через два слоя толстого стекла Блеск ее не увидит.

– Что вы здесь делаете? Кто вы такая?! – ахнула испуганная покупательница, заметившая у двери вооруженного человека.

– Постоим и помолчим, – спокойно ответила Кайндел, ненавязчиво демонстрируя ей пистолет. – Я сейчас уйду.

Та испуганно замерла на месте, рефлекторно подняв руки вверх. Курсантка краем глаза следила за ее возможными действиями, однако куда важнее для нее было увидеть, для чего прежний знакомец вообще зашел в этот дворик.

Молодой человек остановился у противоположной стены буквально на пару мгновений, после чего повернулся и зашагал обратно. Кайндел выдернула ногу, которая придерживала створку двери, укрылась внутри, но на магазин Блеск не обратил никакого внимания. Он просто прошел мимо. Достаточно было простенького заклинания, чтоб узнать, не оставил ли адепт Круга там какую-нибудь магическую хитрость и не ради ли этого он вообще сюда пришел. Но даже простенькое заклятие магического зрения может обратить на нее чужое внимание. И – что самое главное – в такой близости от Ротонды становилось опасно пользоваться чарами. Ощущение «испорченной» энергии напоминало привкус плесени на хлебе, именно оно преследовало девушку даже на таком расстоянии от дома пятьдесят семь по Гороховой, где прежде хозяйничали сатанисты и, видимо, окончательно все испоганили.

«Уже понятно, что придется как-то убирать это место магической напряженности, – подумала Кайндел, выскакивая из магазина, как только Блеск скрылся под аркой, и кидаясь туда, где он останавливался. – Чистить тут уже, похоже, нечего. Разве что уничтожить и передельвать с нуля. Это ж надо, до чего можно испоганить магическую область.

Интересно, возможны ли вообще восстановление и переделка естественных магических областей?»

Беглого взгляда оказалось достаточно, чтоб заметить нанесенную на штукатурку магическую метку. Это было последнее изобретение техномагов, которое они охотно продали ОСН (и, видимо, не только ОСН). Простенькое заклинание, которое помечало конкретную точку пространства. Увидеть его чародейским зрением можно было случайно или только в первые минуты после нанесения, а потом отыскать его способен был лишь тот, кто нанес. Возможно, имелись какие-то способы впоследствии передавать знание о местонахождении меток или способность видеть их какому-то другому лицу – Кайндел не знала. Да ее это и не сильно инте-

ресовало. Вынув из кармана камешек на цепочке, она поднесла его к стене и «скопировала» метку. После чего кинулась к арке, ведущей на Гороховую улицу.

Пролетая мимо магазина, она заметила продавщицу и покупательницу, выглянувших наружу, видимо, чтоб убедиться, что уже можно убежать, и при виде нее испуганно спрятавшихся обратно. Соблюдая все предосторожности, девушка заглянула в арку, потом осмотрела улицу и успела заметить, в какую машину сел ее бывлой приятель. Она знала, что в первый момент, когда человек усаживается, устраивается, достает ключи, он не смотрит в зеркала, если в них не отражается что-нибудь интересное или настораживающее. Поэтому к собственному автомобилю она направилась без спешки, даже немного вальяжно, и, спокойно усевшись, вынула мобильный телефон.

– Алло... Он оставил метку во дворе дома номер сорок один, на стене. Я скопировала. Сейчас едет куда-то. Еду за ним.

– Тебе помощь нужна? – сухо спросил Ирландец.

– Нет, пока не нужна.

– Давай, – ответил руководитель и прервал связь.

Кайндел швырнула мобильный на соседнее сиденье. Ей уже не в новинку было рулить одной рукой – хоть правой, хоть левой. Да, собственно, Шреддер потратил добрых четыре месяца, чтоб обучить ее нормальному с его точки зрения вождению. Занимаясь с каждым из курсантов по очереди, он бурчал нелестные эпитеты в адрес автошколы и тамошних инструкторов, которые считают нормально обученными людей, едва способных сдвинуть машину с места. То, что называется «навыками экстремального вождения», он полагал совершенно необходимым для курсантов ОСН и муштровал своих подопечных с суровостью классного наставника девятнадцатого века.

Машин на улицах было немного, Блеск не слишком гнал, и девушка без особого труда следовала за ним. Здесь ей уже ничто не мешало пользоваться магией, правда, конечно, слабенькой, такой, которая почти наверняка пройдет мимо чужого внимания, но ее вполне хватало на то, чтоб не потерять след нужного ей автомобиля. Проще всего было бы, конечно, прилепить маленький чародейский маячок, однако это слишком рискованно, особенно в условиях войны, когда все настороже, поэтому приходится довольствоваться тем, что безопаснее на вид.

На улицах города число машин увеличивалось постепенно. В принципе, раздобыть бензин или дизельное топливо, равно как и запасные части, было вполне по плечу даже рядовому автовладельцу при должном упорстве с его стороны. Другое дело, что отнюдь не каждый имел возможность тратить уйму сил, времени и средств на все это, потому движение на улицах города пока оставалось умеренным. Почти как тридцать лет назад.

Следуя за автомобилем Блеска, Кайндел миновала Театральную площадь, между делом отметив, что адепт Круга нисколько не опасается проезжать так близко от штаб-квартиры ОСН, и, возможно, этому есть какое-то объяснение. А может, адепт Круга просто излишне самоуверен или свято убежден, будто здесь некому обращать на него внимание. Затем девушка миновала площадь Труда и вновь взялась за мобильный телефон.

– Он едет на Васильевский остров через мост Лейтенанта Шмидта, – сказала девушка, как только установилась связь.

– Поосторожнее там. Васильевский – беспокойное место.

– Я знаю.

– Я скажу ребятам, чтоб ждали твоего звонка где-нибудь на Среднем. Уверена, что он тебя не заметил?

– Пока нет.

– Отзванивайся, что у тебя и как.

– По возможности.

«Фольксваген», который на этот раз дали курсантке, был из числа тех, которые полностью переделали уже после остановки производства запасных частей, используя по большей части кустарно изготовленные детали, поэтому шел он не так ровно, как хотелось бы. Правда, и асфальт оставлял желать лучшего. На мост она въезжала с тайным трепетом в душе – за его прочность уже давно никто не мог поручиться.

Темно-синий автомобиль Блеска маячил впереди, он не пытался уйти от погони, а значит, не чувствовал ее. Против ее ожидания он свернул не налево, а направо, на Четвертую и Пятую линию, в тихую улочку, где дома удивительным образом ветшали быстрее, чем на соседних линиях. Адепт Круга остановил машину у решетки Академии Художеств, за которой в чахлам садике по-прежнему гуляли мамы с детьми, и направился в сторону Андреевского рынка. По «фольксвагену» Кайндел он скользнул взглядом, но стекла были сильно тонированы, и былую приятельницу он не увидел бы, даже если б присмотрелся. Она припарковалась метрах в ста от Бугского переулка, куда свернул Блеск, и поспешила за ним. Прежде она гуляла по этим местам и очень надеялась, что во дворах изменилось немного.

Пистолет, конечно, вынимать не стоило, и она не стала этого делать. Здесь было оживленнее, чем в предыдущем дворе, на Гороховой, потому что рынок никогда не прекращал работать. В прошлом году, даже пустой, он не закрывался, а уж когда привозили продукты, ажиотаж поднимался огромный и вполне объяснимый. Каким-то чудесным образом известие о машине с картошкой или капустой разносилось по району, сюда сбегались люди, и фермеры торговали до тех пор, пока у них в запасе не оставалось ни одной картофелины, ни одного листа хряпы.

Впрочем, остальные магазинчики тоже не спешили закрываться. В каком-нибудь из них обыватель всегда мог отыскать все необходимое для своего хозяйства, и тут уж возможность приобрести что-либо, как всегда, упиралась в проблему расчета. Деньги уже давно сдали свои позиции, и, хотя их все-таки принимали, пусть не везде и не всегда, в ходу был натуральный обмен, самый надежный из всех.

В большом дворе перед домами номер один, три и четыре еще держалась неплохо оборудованная детская площадка. Там с визгом носились дети под присмотром сразу четырех взрослых женщин с испуганным выражением лиц, которое, должно быть, стало настолько привычным, что буквально приросло к ним. А в стороне шла работа. На каменные тумбы и ограду были навалены доски, уже размеченные под распил, и два старика, ловко орудуя пилами и молотками, что-то кромсали и сколачивали. Что именно, догадаться было нетрудно – ведь на рынке помимо продуктов и посуды торговали также самодельной мебелью, и не самой плохой мебелью, между прочим!

Один из стариков, увидев Кайндел, вдруг бросил неошкуренную заготовку, с поразительной быстротой подхватил с земли топор и грозно уставился на девушку.

– Эй, чего тут нужно?! А ну марш отсюда, а то и маузер не спасет!

– Господи, дедуля, какой же это маузер? Последние маузеры давно в музее...

– Ты мне зубы не заговаривай! Нам тут в квартале только бандиток не хватало! Да еще рядом с детьми! Пшла вон со своим оружием, дрянь малолетняя!

Девушка остановилась в раздумье. Конечно, справиться со стариком хоть при помощи магии, хоть с оружием труда бы не составило. Однако расправляться с человеком, столь мужественно отстаивающим свой двор, не хотелось. К тому же это противозаконно и вряд ли понравилось бы Роннану и Одину. Можно было бы просто проигнорировать и пройти мимо, однако старик, даже если не кинется на нее с топором, наверняка поднимет шум. Привлекать к себе внимание сейчас – это лишнее. Если же обежать квартал вокруг, чтоб зайти с другой стороны, то Блеск уйдет и отыскать его или его метки будет уже невозможно.

Она пожалала плечами, полезла под куртку и вытащила красное удостоверение, которое ей вручили как младшему офицеру ОСН (хотя официально она все еще продолжала оставаться курсантом). Размахивать им ей не хотелось, да и вообще не стоило, тем более что маленькая

типография печатала такие «корочки» для ООН весьма посредственного качества, что было заметно, если внимательно присматриваться. Зато на первый взгляд подобное удостоверение выглядело очень даже солидно и здорово напоминало удостоверения ФСБ.

Старику этого вполне хватило. Он отступил, опуская топор, и заворчал что-то то ли сердитое, то ли извинительное.

– Чужие тут часто появляются? – властно осведомилась Кайндел, пряча «корочку».

– Бывает, конечно. Рынок же рядом, как не быть чужим. – Плотник был хмур, но с ответом не задерживался.

– Чародеи тут где обосновались? Знаешь?

– Не понимаю я этих новомодных колдовских штук...

– Где шумят больше? Куда машины новенькие подъезжают? Куда отгружают странные предметы? Что – разве ни разу не видел?

– Ну вот там, в том доме, – старик махнул рукой. – Показать?

– Да.

– А что это вдруг правоохранительные органы заинтересовались нашим районом? И не лучше ли сперва с хулиганами разобраться, а потом с новомодными... колдунами...

– Всему свое время. Показывай, где.

Посмотрел хмуро, но послушно выбрался из-за нагроможденных заготовок и поковылял вперед. А у Кайндел возникла мысль, что, пожалуй, с местными обитателями пообщаться разумнее, чем самой искать неизвестно что и неизвестно как. Блеска она уже потеряла из виду, однако этот человек, работающий во дворе дома, наверняка замечает все, что происходит вокруг. Уж если он в момент разгадал в ней не обывательницу, а бойца (хотя на этот раз курсантка предпочла не надевать форму, обошлась гражданской одеждой), то и в других чужаках мог распознать чародеев.

Главное – правильно задать вопрос. И правильно услышать ответ. Несмотря на все свои способности, девушка иной раз сталкивалась с большими трудностями в общении со стариками. Их лица были малоподвижны, жестикуляция бедна, а эмоции так смутны, что разобраться в них удавалось не вдруг. Мысли людей глубоко пожилых шли какими-то неизведанными путями, и вероятность ошибиться была намного выше, чем при работе с детьми или молодежью.

Однако, хоть она и сомневалась в точности той информации, которую мог ей предоставить старик, дом, куда по его словам привозили какое-то оборудование на крупных машинах и вообще здорово шумели, явно не был обижен вниманием Блеска – на стене нашлась такая же метка, что и в предыдущий раз. Нашлась потому, что, во-первых, была нанесена недавно, а во-вторых, у Кайндел имелась точная ее копия на артефакте. И сам факт обнаружения этой метки яснее ясного свидетельствовал, что адепты Круга пока здесь не обосновались. Если б здесь располагался их офис, пусть даже из второстепенных, необходимость в метке не возникла бы.

Хотя, возможно, они сперва завезли все необходимое, а магическую метку решили поставить ради удобства или на всякий случай и собирались перебраться сюда позже.

Однако это уже не ее дело. Пусть разбираются другие, а ее задача – указать области интересов Круга и те адреса, где они устроились или предположительно собираются устраиваться.

Что-то подсказывало ей – ООН готовит операцию против Круга. Это, впрочем, было вполне логично и совершенно неизбежно.

Девушка осмотрела плотно запертую дверь, подняла было кулак, чтобы постучать, но передумала. Не ее это дело. Посмотрела на спутника.

– А еще где-нибудь такие места есть? Я имею в виду здесь, в округе.

– Есть, разумеется. В Днепровском переулке. В том здании, которое раньше занимала Северо-Западная академия госслужбы. Показать?

Она взглянула на него снова, уловив, разумеется, эту поневоле недовольную нотку. Плотнику нужно было работать, да и трудно бегать по окрестностям немолодому человеку, особенно без крайней необходимости.

– Объясните, где. Я сама найду.

– А сразу за аптекой. Там, в переулке.

– Поняла.

Когда девушка вышла на Шестую линию, она первым делом взялась за мобильный телефон. Ожидая ответа, курсантка разглядывала окна здания напротив. Темные, со скудными тюлевыми занавесками, кое-где кадки с цветами. Может быть, за ними прячется что-то интересное – а может, там располагаются обычные квартиры. Прежнее офисное помещение, принадлежавшее Кругу в этом районе, было подлинно-офисным по своему облику – не спутаешь. Но ребята могли усвоить горький урок, либо же просто еще не успеть сделать ремонт.

– Нашла? – нетерпеливо спросил ее Ирландец.

– Пока не уверена. Блеск оставил еще одну метку на стене дома в Бугском переулке.

Зачем – я не очень поняла.

– Что за Бугский переулок?

– Возле Андреевского рынка. Там старичок работал, он меня отправил посмотреть еще один адрес, рядом. Но это логично – помнишь, два года назад у Круга именно здесь располагалось одно из убежищ.

– Убежищем то помещение не назовешь... Ну да я понял... Так, надеюсь, ты не собираешься лезть исследовать чужую штаб-квартиру, как давеча?

– Не собираюсь, обещаю. Только гляну, не ошибся ли местный обитатель.

– Все-таки высылаю тебе на помощь твою группу.

– Подожди, не надо!..

Но Ирландец уже отключил телефон, и, мысленно чертыхнувшись, Кайндел смирилась с тем, что какое-то время придется подождать.

А пока можно было все здесь осмотреть.

Удивительное дело, но аптека все еще существовала и даже была открыта. Девушка могла бы побиться об заклад, даже не заглядывая внутрь, что сейчас там куда больше трав и бинтов, чем аспирина, но ведь и аспирин наверняка кто-то производил. И даже доставлял сюда. Политик, читавший у них теорию работы в группе, как-то обмолвился, что связь с другими частями страны потихоньку налаживается. Да иначе и не могло быть – рано или поздно жизнь общества должна была выстроиться в какую-то систему. Как беспорядочно движущиеся элементы обязательно должны приобрести какую-то форму, образовав конечный элемент, так и человеческое общество не может долго оставаться взбаламученным болотом. Рано или поздно оно примет исходную форму пирамиды.

Правда, тогда, возможно, прежние высшие окажутся внизу, и наоборот. Но это уже не суть важно.

Кайндел заглянула в переулок – он выглядел уже далеко не таким грязным и неприятным, как когда-то. Еще до выхода ситуации из-под контроля здание, отведенное под факультеты экономики и финансов, а также юридический, успели привести в порядок. Отремонтировали и соседнее. Там, где на замусоренный переулок смотрели старые-престарые деревянные рамы с грязными до непрозрачности стеклами, теперь стояли стеклопакеты (правда, тоже грязные, но это можно было считать печальными последствиями сложной ситуации). Стеклопакетная дверь академии пострадала, ее явно кто-то выламывал – видимо, охотясь за мебелью или компьютерами, – и потому старую заменили на новую, металлическую, глухую. Окна второго и третьего этажа кто-то старательно отмыл, жалюзи куда-то делись, вместо них повесили обыкновенные шторы. И мусор по углам не валялся. Но в целом... Да, в целом все осталось по-прежнему.

Девушка помнила, как там все выглядело раньше. Три года назад Днепровский переулок можно было считать воплощением образа нового Петербурга – такого, каким его сделал молодой капитализм. Частные компании брали конкретный понравившийся дом, и только он, только его состояние их интересовало. Тем же путем привыкли идти и государственные структуры, чей взгляд на проблему и манера поведения не сильно отличалась от частной. Именно здесь, в этом переулке, можно было любоваться великолепно отделанным, чистеньким до ломоты в зубах зданием какого-то то ли офиса, то ли учреждения, а через сто метров обнаружить полуобрушившийся флигель, где в проломе второго этажа до сих пор на одной петле висит дверь комнаты, а на частично обвалившемся потолке держится патрон от люстры, давно сгнившей под дождями и снегом.

Переулочек был узким, уютно мощен булыжником, и зданий выше четырехэтажных тут не имелось. Окна первого этажа расположены так низко, что в них можно заглянуть так же непринужденно, как и в витрину любого магазина. Внутри бывших квартир темно и сыро, однако об этом наверняка знают лишь выселенные на окраину обитатели этих жилищ, или же постоянно толкущиеся в офисах работники. Снаружи едва ли разгадаешь, что скрывается за старыми кирпичными стенами со слоем свежей штукатурки. Узкие безлюдные переулки Васильевского острова напоминали девушке южные области России. Там города хоть и вырастали из поселков в нечто большее, однако в них надолго, очень надолго сохранялись поселковые привычки – подсматривать за соседями и каждым проходящим, жить одной большой коммуной, где всем до всех есть дело, и держать окна низкого первого этажа гостеприимно открытыми.

По крайней мере, именно такими Кайндел запомнила Краснодар и Ростов-на-Дону.

Можно было бы, пожалуй, прогуляться по переулку, посмотреть, не оставил ли там ее прежний приятель что-нибудь интересное, вроде магической метки. Что Кругу вообще тут нужно? Неужели их чародеи не оставили надежду ошупью отыскать способ создания областей магической напряженности? В нерешительности она остановилась у железной двери и попыталась понять по ее виду, скрывает ли та обычные квартиры, или же что-то более интересное. Потом отступила из переулка на улицу. Надо было что-то решать – либо кидаться шарить по переулкам в поисках следов, оставленных адептом Круга, либо тихо отойти в сторонку и ждать свою команду.

А потом она увидела, что навстречу ей идет сам Блеск, и, судя по выражению лица, он ее узнал. Так что бежать или, к примеру, пытаться прикинуться местным жителем, уже поздно.

Поэтому она кинулась ему навстречу с выражением искренней радости.

– Блеск, ты?! Привет? Вот уж не ожидала тебя здесь встретить!

– Я же просил называть меня Глен, – недовольно ответил тот. Подозрительность в его взгляде обнаружил бы и менее проницательный, чем Кайндел, человек, однако она делала вид, будто этой подозрительности вообще нет. И никогда не было.

– Извини. Просто у нас в ОСН тоже есть один Глен... Ну а что ты думал, Младшая Эдда только тебе попадалась в руки?.. Я, чтоб отличать тебя от него, предпочла перевести твое имя со старонорвежского.

– Лучше его переведи. А не меня... – подозрительность из взгляда пока никуда не девалась, и девушка предпочла набраться терпения. – Что ты здесь делаешь?

– Представь, специально приехала сюда, чтоб в этой аптеке купить... ну, кое-что чисто женское... А здесь, как оказалось, тоже нет...

Подозрительности стало чуть меньше.

– И что, все ваши так вот запросто разгуливают по улицам города? По своим делам?

– У меня увольнительная, – Кайндел изобразила удивление. – И я не могу погулять по Васильевскому? С ума сойти, до чего дело дошло...

– Вообще-то, война идет, если ты не в курсе...

– Правда?! Да что ты говоришь?! Ну, давай, что ли, повоюем. На чем станем воевать? Давай «в города»? Кто последний закончит, тот и победил! – В душе девушки уже закипал подлинный, не наигранный гнев. Одновременно она уже чувствовала, что взяла ситуацию в свои руки. Теперь надо было удержать ее в том драгоценном, сложно достигаемом равновесии, за пределами которого фальшь не скроет даже ее виртуозная игра. – Или в «кто дальше плюнет». А?

Блеск нахмурился, стиснул зубы. Но это было не раздражение, а скорее состояние, подобное смущению.

– Я же здесь не один гуляю. Есть и те, с кем тебе встречаться было бы неприятно и даже чревато.

– Понимаю... Слушай, ну до чего глупая ситуация. Вот что нам делить, в самом деле?! Страна большая, неужели бы мы все тут не разместились? И без всякой войны.

– Ты же умная ба... женщина, ты же сама все понимаешь... – Блеск коротко обернулся в сторону Днепровского переулка, будто ждал, что сейчас кто-нибудь покажется из-за угла и обоим им придется несладко. – Ладно, иди. Между прочим, на первой линии есть хорошая аптека, и там часто продают всякие ба... женские штучки.

Повернулся и почти бегом бросился в переулок, который, несмотря на всю нынешнюю аккуратность, оставался сумрачным, полутемным. Можно было лишь гадать, что скрывается за поворотом. Кайндел отступила на другую сторону улицы, двумя пальцами вытянула из кармана телефон. Тот и не думал звонить, однако нужно было создать хотя бы видимость беседы. Девушка и сама не до конца понимала, зачем это надо, однако чутью своему доверяла в полной мере. И была даже рада, что минивэн, который выделили их команде, появился на Шестой-Седьмой линии на пару минут позже, чем она ожидала. Видимость случайности своего появления здесь можно было сохранить только в том случае, если бы возможные наблюдатели поверили – она не ждала здесь машину, а вызвала ее.

Ей хотелось, чтоб Блеск думал, будто она полностью искренна с ним.

Дверь в салон ей приоткрыл Илья.

– Ну что? – жадно спросил он, как только автомобиль тронулся с места. – Где твоя машина?

– На соседней линии.

– Как думаешь, здесь есть их логово?

– Определенно. И именно в этом районе.

– Репей, сверни на Четвертую линию... Слышишь, Ромашка, придется тебе сесть за руль Свечкиной тарактелки...

– Кто там куда сядет, еще посмотрим, – огрызнулся Роман, которого только Илья и именовал «Ромашкой», потому прозвище не прижилось. – Репей, не хочешь вольготно прокатиться? А я бы тебя сменил...

– Нет уж, Ромка, я лучше со своим минивэном буду отношения выяснять, – отозвался водитель. – Мне привычнее.

– Илья, отгони машину ты, – устало произнесла Кайндел. – У тебя это получится лучше всего. К тому же мне с Магом надо переговорить.

– Что-то случилось?

– Нет. Все в порядке.

Пожав плечами, тверичанин выскочил из минивэна на Пятой линии, едва тот слегка притормозил, и непринужденно направился к «фольксвагену», доставившему Кайндел на Васильевский остров. Правда, это она видела в зеркало заднего вида, потому что Репей, прекрасно водивший крупные легковушки, от джипов до минивэнов, тронул с места еще до того, как захлопнулась дверь. Выруливая на набережную, он еще успел посмотреть назад, убедиться, что Илья совладал с машиной, и на девушку тоже взглянул – с легкой ехидцей.

– Ну что? Тебе надо приватно с приятелем поговорить?

– Не дури, Репей, – буркнула Кайндел, вытаскивая мобильный телефон, но пока не торопясь набирать номер. – Ромка, что скажешь по поводу магического фона в этом районе?

– Так, навскидку? – молодой человек обеими руками полез в шевелюру, которая с последней стрижки успела буйно, не по уставу, разрастись.

– Угу...

– Мне кажется, ты правильно определила область...

– Я это и сама поняла. Меня интересует – ты чувствуешь связь этого места с другими городскими областями магической напряженности? Ну, сосредоточься, обдумай!

Лицо у Романа стало озадаченное и даже недоумевающее. Казалось, он, изо всех сил напрягшись, прислушивается к тому, что у него происходит внутри, хотя в действительности его интересовало только пространство за пределами автомобиля, только что вскарабкавшегося на мост Лейтенанта Шмидта. Кайндел не торопила его, она терпеливо вертела в руках мобильный телефон и искоса поглядывала то на Рому, то на Лети. Последняя, вопросительно изогнув бровку, почти неразличимую в пушке, покрывавшем лицо, достала из рюкзака ноутбук.

– Ты хочешь, чтоб я попробовала определить наличие-отсутствие связи? У меня на машинке установлена программа анализа и оценки энергетического баланса местности, так что...

Машинкой она называла любой компьютер.

– Я знаю эту программу. Она не отличит искусственно возведенную связь двух областей магической напряженности от естественного канала энергообмена. Так что толку от нее немного. Тут только чародей может определить, и то не со стопроцентной уверенностью.

– Занятно это у вас, – отметил Репей, оэсэновец, не обделенный магическими способностями вовсе, однако напрочь лишенный склонности к чародейству. Все его потенциальные возможности в результате вылились в обостренный, однако по сути своей вполне естественный дар – отличную реакцию, умение надолго сосредоточиваться и не уставать, в ловкость, быстроту. К тому же в придачу он сумел освоить несколько самых простеньких заклинаний. Как водитель этот молодой человек был просто великолепен.

– У нас бывает по-разному.

– А я слышал, ты стала у Организации чем-то вроде ходячего источника энергии...

– Нет, скорее проводником имеющейся у меня в запасе... Репей, ты уверен, что затылком сквозь лобовое стекло видишь так же хорошо, как глазами?

– Почти так же хорошо. – Он подмигнул ей и только потом повернул голову как положено. Автомобиль при этом шел ровнехонько.

– Нет, ничего не чувствую, – пожаловался Роман. – То ли есть, то ли нет – наверняка не скажу.

– И не надо. Либо наверняка – либо никак. Я понимаю, надо стоять у самого эпицентра, чтоб ответить на этот вопрос уверенно. Либо уж, в крайнем случае, рядом. А мы уже изрядно отдалились.

– А ты, пока там стояла, не могла посмотреть? – удивился Репей.

– Мои манипуляции были бы замечены тут же. Я пользуюсь сразу двумя источниками магической энергии, наша связь постоянна и неразрывна, так что я при пользовании заклинаниями след оставляю такой, что будь здоров. К тому же, при мне артефакт, – она ощупала рюкзак. – Так он сам по себе не бешенствует, но если я начну колдовать...

– Понял, понял! Не дурак!

– Куда теперь? – спросила Лети, убирая в рюкзачок ноутбук и вытаскивая карту.

– У меня обширный список дел. А у группы? – она посмотрела на Романа. – Вам еще что-нибудь поручали?

– Только то, что ты слышала. Мы осмотрели Гороховую по всей длине, но после тебя ничего интересного уже не осталось.

– А на Ротонде?

– Глухо. Какие там вообще могут быть следы? От чего? – Маг хрустнул пальцами и с удовольствием потянулся в кресле. – Ребята настолько все загадили...

– Даже с Садовой чувствуется, – согласилась Кайндел. – Я уже подумала о том, что в тех краях стоило бы все качественно зачистить. И построить систему энергообмена заново.

– Ты представляешь, как за это взяться?

– Нет. Но надо что-то придумывать. Иначе потом будет труднее. Или вовсе невозможно. Не я ж одна в ОСН занимаюсь магическими системами. И не только в ОСН есть подобные специалисты.

Несколько минут они ехали молча, каждый смотрел в свое окно. Горо, развалившись сразу на двух сиденьях, деликатно похрапывал в потолок. Он запрокинул голову на подголовник, расслабленно растопырил все свои четыре руки и в таком виде немного напоминал рисованного паука из сказки «Муха-Цокотуха», особенно в этой военной форме. Как прирожденный солдат, он дремал всюду, где только мог, в особенности по пути на задание – нужно ж было набраться сил. Курсанты не любили, когда Горо засыпал в машине, потому что он и так-то занимал полтора места, а в дремоте его руки начинали ощутимо теснить соседей. Но сейчас в машине было свободно, и уроженец иного мира никому не мешал.

Поглядывая в его сторону, Кайндел молча удивлялась тому, насколько легко он прижился и ассимилировался в их мире (в отличие от двух других своих соотечественников, тоже работающих в ОСН). Когда джаншуриец бодрствовал, он вел себя настолько по-земному, что порой обыватели, сталкиваясь с ним, даже не сразу обращали внимание на наличие у него дополнительной пары рук. А когда замечали, то изумлялись вдвойне – мол, откуда это у нормального русского парня столько конечностей?!

Только в языке пока еще немного путался. И почти не воспринимал идиомы. Но это нестрашно...

Девушка поднесла мобильный телефон к уху.

– Роннан? Это Кайндел.

– Я слышу, – скрипуче отозвался тот. – Что у тебя?

– Облюбованную Кругом область магической напряженности на юго-востоке Васильевского я рискнула бы ограничить Седьмой и Восьмой линиями. Хотя могу и ошибаться на квартал. Непонятно, является ли эта область частью системы, однако активная деятельность там идет, и надо лишь последить, в чем именно состоит эта деятельность.

– Я понял. У тебя все? Тогда отправляйся, решай следующую проблему. – И отключил связь.

– Охохонюшки! – вздохнула она и посмотрела на часы. – Репей, подбрось меня к Володарскому мосту. И можешь вести этих охломонов на Грибоедов канал, отдохнуть. А Илья пусть мне закинет туда машину. Я вернусь сама.

– Ну уж нет, – решительно ответил Роман. – Подождем тебя все. Поможем, если что вдруг. Не выдумывай.

– Если что-то пойдет не так, вы мне помочь не сможете. И даже не заметите, что что-то пошло не так. Более того, ваше присутствие может мне здорово помешать.

– Однако по всякому может повернуться. Мы тебя подождем в машине.

– Ладно, – сдалась Кайндел. – Тогда через мост переезжай и остановись на Народной улице, где-нибудь возле дома пятнадцать или двадцать один.

– Понял, хорошо, – ответил водитель и сильнее прижал педаль газа.

Благо городские дороги пока были почти пусты.

Кайндел вряд ли узнала бы это место, если б не высотка, которая мало изменилась, и не адрес на дощечке. Да, тот самый проспект и тот самый номер, однако глазу, ожидавшему увидеть совершенно определенную картину, почти не за что было зацепиться. Магазины, пристроенные к нужному ей девятиэтажному дому, обрушились, да и сам дом пострадал. Можно было побиться об заклад, что добрых два его подъезда опустели, потому что жить в строении без фасада невозможно. Через проломы можно было заглянуть внутрь, рассмотреть остатки мебели, еще свисающие с крюков люстры, оголенные провода и более неприятные свидетельства катастрофы. Все это никто не убирал, не пытался укрепить оставшееся. Окружающим было все равно.

Зато над уцелевшей половиной строения кто-то возвел еще два этажа, и оставалось лишь гадать, как и зачем это было сделано. Выглядела надстройка нелепо, странно, но при этом внушала какой-то иррациональный нутряной трепет. Будь Кайндел простым обывателем, она списала бы свои эмоции на страх, что вся конструкция вот-вот обвалится прямо кому-нибудь на голову, но ее характеру были свойственны вьедливость и упорство, поэтому, стоя на другой стороне проспекта, она долго, с критическим любопытством, разглядывала и развалины, и сохранившуюся часть, и надстройку.

Машин здесь ездило мало – не то, что в прежние времена, когда чтоб перебраться на другую сторону, приходилось закладывать дугу, нырять под мост и тратить уйму времени. Курсантка пересекла проспект по диагонали, после чего с интересом заглянула во двор. Здесь тоже мало что сохранилось от прежних времен. Никаких качелей и лесенок, да и от ближайшего жилого дома остались жалкие развалины, из которых кое-где торчали перекосившиеся водопроводные трубы. Никаких частных машин. Почти никакого асфальта.

В нужный ей подъезд Кайндел попала легко. К лифту даже не свернула, сразу стала подниматься по лестнице, бдительно прислушиваясь ко всем возможным звукам. И хотя вокруг царил тишина, она показалась девушке чересчур уж напряженной. То ли слабые звуки, то ли ощущение чужого взгляда выдавало притаившихся... Конечно, это могли быть обычные обыватели, испуганные чьим-то вторжением в их полуразрушенный мирок. Курсантка этому, конечно, не верила, однако держалась спокойно, делала вид, будто верит.

Последний, девятый этаж. Здесь оказалось чисто, пахло свежим сосновым распилом и кофе, стояло старенькое кресло, когда-то обитое хорошим кожзаменителем, однако изрядно обтершееся со временем. Имелся даже столик – лестничная площадка представляла собой эдакую импровизированную прихожую. Одна из дверей в квартиру была заложена кирпичом и отштукатурена, зато лестница на чердак осталась прежней – вертикальной железной, по которой в платье, к примеру, не заберешься.

Но Кайндел была не в платье. Она спокойно проверила пистолет, для удобства чуть сдвинула назад ножны и полезла. Девушка ждала чего угодно – окрика, удара в спину или по голове от человека, ждавшего ее на чердаке, – однако преодолела подъем совершенно беспрепятственно. Эту часть дома она помнила хуже, чем подъезд, поэтому сперва огляделась и заглянула в пару закутков. Валявшийся здесь прежде хлам куда-то вынесли, пол вымыли и кое-где застелили коврами, пусть потертыми, но настоящими. И тоже поставили мебель (хотя как можно было заволочь ее сюда по этой лесенке, через такой узкий люк – загадка) – два кресла, диван, полированный столик, кадка с цветком, компьютерный стол и сам компьютер, сейчас выключенный.

– Нет, правда, ну как это возможно-то? – спросила она в пространство, уверенная, что ее слышат. – Ну ладно, стол для компьютера можно собрать прямо здесь. Из небольших частей. А как с диваном-то? Он чисто физически через этот люк не пролезет.

Если непрошенная гостя ожидала услышать хоть какой-нибудь ответ, то она ошиблась в своих предположениях. Собственно, Кайндел надеялась вызвать местных обитателей на диалог, неважно о чем, и так перехватить инициативу в свои руки. Однако ей ответила только

сумрачная тишина, такая же напряженная, как и прежде. Ее будто приглашали – если ожидала чего-то другого, лучше уходи сразу. Нечего тебе здесь искать. Точно так же курсантка ОСН поняла, что если сейчас она повернет обратно, то распишется в собственной непричастности к тайне, и тогда на нее точно кинутся. И растерзают уже наверняка.

Конечно, шансов выжить у нее много, однако доводить до схватки как-то не хотелось.

Девушка пожалала плечами и двинулась вперед, к выходу на крышу.

Здесь все изменилось еще сильнее, чем снаружи. Прежде крыша была покрыта чем-то асфальтово-серым, похожим на рубероид, только намного толще и плотнее. По нему приятно (а в жару – слишком горячо) было бегать босиком, на него не страшно было укладываться полежать, отдохнуть. Сейчас Кайндел шагала по каменной плитке, уложенной настолько ровно, что пол казался цельно-каменным. Помещение, в котором она оказалась, трудно было назвать комнатой – скорее целая зала в ширину крыши, с высоким потолком и чрезвычайно скудной обстановкой. Противоположная стена оказалась стеклянной сверху донизу, и дверь, тоже стеклянная, была распахнута на террасу.

Пол и тут отделали камнем, однако соблюдая небольшой уклон к дренажным отверстиям. Парапет, облицованный плитками серого мрамора, украсили низенькими колоннами, в каждом углу поставили по большой кадке со странным растением. Рядом притулились легкие кресла и столик, пустые.

Хаген ждал ее у края террасы. Он не повернулся, даже тогда, когда, намеренно стуча каблуками, она вышла из дверного проема и направилась к нему.

– Зачем ты пришла? – спросил он, едва непрошенная гостья остановилась шагах в пяти от него.

Голос у него изменился, что, впрочем, неудивительно. Она общалась с ним пару раз, однако с тех пор прошло добрых восемь лет, и он, конечно, изменился. Тогда ему было едва ли больше двадцати – юноша, не более того. Сейчас перед Кайндел стоял мужчина, и силу, исходящую от него, она чувствовала едва ли не кожей.

– Поговорить.

– Ну давай поговорим. – Он обернулся. Лицо казалось смуглым от густого загара, а глаза – равнодушными и оттого сонными. Но девушка понимала, что это тоже маска. Просто он умел владеть собой намного лучше, чем все те люди, с которыми она обычно имела дело. – Слушаю.

– Ты не предложишь мне сесть?

– А ты хочешь?

– Да. И от кофе не откажусь.

– Я не предлагаю. Вот что скажи – ты со мной хочешь говорить от себя или от своей Организации?

– Если бы своей... Не от себя, конечно.

Хаген кивнул головой. Приглашающего жеста в сторону кресла он не сделал, просто стоял и смотрел. А она, глядя на своего собеседника, подумала о том, что его настоящего, паспортного имени даже не знает, только ролевое прозвание. Неприязненная отстраненность мужчины ее не отпугивала, пожалуй, наоборот – ей приятно было иметь дело с человеком, которого не под силу парой фраз подчинить своей воле. Предстояло приложить немало усилий, чтоб добиться от него нужного отклика.

– У тебя здесь уютно, – заметила девушка. – Странно только, что вторая половина дома до сих пор в развалинах. Уверена, ты смог бы устроить так, чтоб ее если не отремонтировали, то хотя бы укрепили.

– Ее укрепили в достаточной мере.

– Тогда почему не отремонтировали?

– Мне так больше нравится, – он дернул плечом. Подобных нервных реакций Кайндел за ним прежде не замечала. – Ты из комитета по городскому благоустройству?

- Нет.
- Я не имею времени входить с тобой в дискуссии о моих архитектурных пристрастиях. Будь добра, если у тебя есть что сказать – скажи сейчас.
- Ладно. Нелюбезно, но ладно...
- Я обязан быть с тобой любезным?
- Не обязан, но это стало бы приятным дополнением к нашей беседе. Хорошо. Ты слышан об ОСН, не так ли?
- Разумеется.
- О Круге, полагаю, ты по нынешним временам знаешь больше меня.
- Возможно.
- И как у тебя с ним дела?
- А ты считаешь, я отвечу?
- Надежда остается всегда. От имени главы Организации я предлагаю тебе порвать отношения с Кругом и прибиться к другому берегу.
- Вот так резко? – Хаген посмотрел на собеседницу с любопытством, которое слегка отдавало высокомерием.
- Ты просил сразу к делу.
- Прежде чем предлагать мне подобное, не худо было бы узнать, каковы мои отношения с Кругом и существуют ли вообще хоть какие-то.
- Твое желание быть кошкой, которая гуляет сама по себе, известно даже мне. Однако ты скорее склоняешься принять сторону Круга, нежели ОСН, это тоже известно.
- Меня нетрудно понять. Их сообщество – это в первую очередь сообщество «не совсем людей». Альтернативных людей – так требует политкорректность?
- На этот раз шутка звучала вполне искренне. Разговор выходил с уровня официально-неприязненной беседы на иной, чуть более доверительный уровень.
- Теперь, спустя три года, уже сложно провести эту черту. В числе офицеров ОСН есть как минимум четыре сформировавшихся оборотня и два вампира. Но это только те, о ком я знаю наверняка. Да, еще один альв «наклеивается». Правда, он этого еще не осознал.
- Альвом не становятся. А рождаются. Не понимаю, о чем нам спорить, если ты этому не придаешь никакого значения?
- Можно быть кем угодно. Но одно дело быть, а другое – понять, кто ты есть. Несколько мгновений Хаген изматывающе молчал.
- А что у вас там за офицеры-оборотни? – уже другим, более миролюбивым тоном поинтересовался он.
- Пантера и волк.
- Угу... И как у них с возможностями? Проблем не испытывают?
- Я затрудняюсь ответить на этот вопрос. Они со мной не откровенничают.
- Угум... И что ты мне хочешь доказать?
- Только то, что делить сражающиеся стороны на людей и *не-людей* – странно. Все хороши.
- Он пожал плечами.
- Так я не собираюсь кого-то как-то делить. И торопиться мне некуда. Я постою в стороне, посмотрю, как будут идти дела у той и другой сторон. А там посмотрим.
- Видишь ли, когда расклад сил станет прозрачнее, возможно, в твоих услугах ОСН уже не будет нуждаться, – с нежностью в голосе произнесла девушка.
- Уж не думаешь ли ты меня этим испугать? Если да, то как-то неубедительно. Во-первых, сильные сторонники нужны всем и всегда. Даже очень сильным организациям. Особенно после побед, потому что победы даются недешево. А во-вторых, поверь, я и без ОСН отлично проживу. Я и мои люди.

Он немного приоткрылся, и Кайндел увидела то, что уже почти и не скрывалось за его словами. Хаген был уверен в себе и своих последователях. И, кажется, предполагал, подождав, пока либо Один, либо Ан Альфард, измотавшись, придушат противника, пристально рассмотреть ситуацию и по возможности избавиться от победителя. «Интересно, есть ли в этом мире хоть один Орден, Гильдия или Семейство, не мечтающее о мировом господстве? – с раздражением подумала курсантка и тут же успокоила себя. – Один есть. Пепел, он же Рахиан, и его люди».

Эта мысль немного примирила ее с действительностью.

– Может, да, а может, и нет. Может, взвесишь все варианты?

– Ты думаешь, я когда-нибудь говорю необдуманно?

– Я только в одном могу быть уверена наверняка – ты обожаешь отвечать вопросом на вопрос. Значит, я могу передать Одину твердое «нет»?

– Можешь не передавать ему «нет». Предоставляю тебе право ответить ему «возможно».

– То есть ты готов оказать ему помощь тогда, когда она ему, собственно, уже не будет нужна?

Глава сообщества оборотней красиво изогнул бровь.

– Твой Один позиционирует себя как главу государства. Ведет себя так, словно это его мнение о себе должны разделять все. И при этом не может обеспечить своей Организации достаточное количество бойцов? Ему нужно пушечное мясо из числа моих людей?

– Можно посмотреть на ситуацию с этой точки зрения. А можно – с другой.

– С какой, например?

– С такой, что основы государственности, как ни крути – опора общества, и без государства не обойтись. Не обойтись без законов. Если сейчас большая часть чародеев примется вставать в позу «почему я» и «давайте как-нибудь без меня, а я в сторонке постою и посмотрю», то в будущем им придется мириться с каким-то неопределенным и неизвестным государством, созданным уж всяко без учета их интересов.

– Демагогия. Пустое словоблудство. Уважаемый электорат, будьте добры пожаловать на выборы, а то без вашего голоса депутат Долбаков никогда и ни за что не сможет позаботиться о ваших интересах... Ты и сама отлично знаешь, что мир меняют те, у кого в руках сила. И власть.

– И ты рассчитываешь, что именно в твоих руках окажется та самая сила и та самая власть, которая изменит мир под твои вкусы?

– Посмотрим, – ответил Хаген и повернулся к ней спиной.

– Что ж, не спорю... – Голос Кайндел зазвучал ледком. – Но для того, чтоб так и было, тебе нужно вспомнить о том, что может этому помешать.

– Что же? ООН?

– Ну, к примеру, неприметный компьютерный диск CD-R, на который небезызвестный тебе техномаг по имени Одгар записал некую информацию, предварительно добытую от оборотня по имени Галл. Помнишь?

– Смутно, – он не оборачивался. – Отдаю должное твоей хорошей памяти. Один момент – с техномагами мне удалось договориться еще тогда, и, хотя это стоило мне недешево и будет стоить еще немало, доступа к этому диску и к информации с него не осталось ни у кого.

– Все было бы именно так, если бы не существовало копии того самого диска. Которой Александр не владеет.

– Как-то не очень верится, что глава сообщества техномагов мог обмануть меня.

– Он и не обманывал.

Хаген помедлил, прежде чем задать следующий вопрос.

– Откуда взялся еще один диск? Кто его сделал?

– Я.

Еще одна пауза, наполненная резко отрицательными эмоциями, которые были сильно приглушены волей мужчины, однако звучали отчетливо. Пауза, призванная быть настолько тягостной, насколько это возможно. Несмотря на то, что подобные приемы Кайндел знала как свои пять пальцев, она все-таки не избежала некоторой нервозности. Реакция собеседника была очень важна.

– Когда ты ее сделала?

– Тогда.

– Значит, ты солгала Александру?

– Он разве исповедник? – Девушка вполне искренне удивилась постановке вопроса. – Он не просил давать ему клятву на Библии.

– А если б попросил – ты б солгала?

– Если бы да кабы... В каждой ситуации я ориентируюсь по обстоятельствам.

– Весьма изящная формулировка, все-таки намекающая на правду.

– Весьма изящная формулировка, призванная уйти от ответа. Если хочешь прямо – изволь. Это не твое дело, соврала ли бы я, давая клятву.

– Извини, – он покачался с пятки на носок. – Действительно, мы ушли от темы. Что ты хочешь за этот диск?

– Я? Ничего. Мне интересно было ознакомиться с содержимым исследований Одгара и его бесед с Галлом. В дальнейшем я передала диск Одину. И Роннану с Испытателем.

– Вот мы и подошли к сути дела. Почему было не начать с этого?

– Каждой фразе – свое время, Хаген.

– А каждой угрозе – свое?

– Где ты видел угрозу? Ткни меня носом, пожалуйста.

– Ладно, – он засунул руки в карманы, и, словно от резкого толчка, она внезапно увидела в этом Хагене того, прежнего, с которым когда-то имела дело. Это был *его* жест. – Не было угрозы. Однако, как я понимаю, ОСН в случае, если я не встану на ее сторону, обойдется со мной как с врагом.

– ОСН обойдется с тобой как с врагом, если ты дашь ей повод. Или причину. Например, нападешь. Давай смотреть правде в глаза – защищаясь, кто угодно имеет моральное право использовать что угодно.

– На войне вообще странно говорить о моральном праве.

– Верно. О моральных правах говорит пропаганда. Однако ты должен понимать, что когда у Организации возникнет необходимость защищаться от твоих ребят, ей придется пустить в ход приобретенные знания. С техномагами все просто – вы никогда не будете делить одну сферу общественной жизни, у вас разные роли. А вот ОСН...

– Не надо мне разжевывать очевидное. Я понял. Так что Один хочет от меня? Чтоб я напал на Круг?

– Нет. Чтоб ты поддержал ОСН, когда Круг нападет на нас.

– А Один будет ждать, пока на него нападут? Или имеется в виду такое же «нападение», отражения которых всю практикувал СССР?

– У Одина есть какие-то свои планы. Я допущена лишь к той их части, которая касается меня. Так что ответить на твой вопрос не смогла бы, даже если б захотела.

– Еще один изящный способ указать мне, что я опять сую нос не в свое дело.

– Пожалуй, да. Я ж не спрашиваю тебя, каковы твои планы.

– Не спрашиваешь, однако ж, кажется, вполне в них посвящена, – со сдерживаемым гневом проговорил Хаген.

– Это уже другой вопрос.

– Хороши ж будут союзные отношения в ситуации шантажа, ты не находишь?

– Не нахожу. От века союзники поддерживали друг друга не за красивые глаза, а потому что обеим сторонам это было выгодно или необходимо. И переставали поддерживать, как только ситуация менялась и выгодой или необходимостью больше не пахло. Блистательная антигитлеровская коалиция «кормила» СССР ресурсами отнюдь не потому, что Сталин был харизматичен, или же оттого, что у Гитлера противные усики и мерзкие повадки. Шантаж и выгода и тут имели место в полный рост. В противном случае страны благополучно занимались бы своими делами. Однако если нашу родную коммунистическую державу и пинали впоследствии от души, то отнюдь не в отместку за прежнюю вынужденную помощь. А совсем по другим причинам.

– Ты намудрила... Проще говоря, Одину все равно, по каким причинам ему будут помогать и насколько негативным будет отношение к нему и его Организации.

– Он пока еще не диктатор, и будет ли им – известно только Богу. Включайся в эту войну во имя собственных интересов, а также интересов своих людей, включайся. Если ты этого не сделаешь сейчас, твои шансы оказаться в числе побежденных резко возрастают. Счастливые случайности тоже надо ковать, сам понимаешь. Что же касается причин, по которым встанут под знамена ООН... Тебе было бы принципиально, почему тебе оказывают всестороннюю помощь?

– Разумеется. Хотелось бы точно знать, чем в будущем придется расплачиваться.

– Твою позицию – будь уверен – Один примет во внимание. – Кайндел развела руками. – Жаль, что мы расстанемся не в дружеских отношениях.

– С тобой мне нечего делить.

– Ну и ладушки. Скажи своим людям, чтоб выпустили меня. А то если придется драться, это не понравится ни мне, ни им.

Хаген усмехнулся.

– Я был уверен, что уж ты-то их точно заметишь.

– Спасибо за это «уж ты-то».

И, отвернувшись, зашагала к выходу.

Минивэн был припаркован под стеной дома номер двадцать один, а вот «фольксвагена» рядом не оказалось, хотя, казалось бы, Илья должен был подогнать его сюда же и ждать с остальными. Кайндел еще не успела подойти к машине, как водительская дверь приоткрылась и из-за нее выглянул Шреддер. Махнул ей рукой.

– Иди сюда, – пригласил он.

– Господи, ты-то откуда здесь? – изумилась девушка, подходя. – А где Репей?

Эйв показался ей усталым и хмурым. Однако на ее вопрос отреагировал улыбкой и многозначительно показал на сиденье рядом с собой. И не забыл оглянуться, критически осмотреть дорогу, дом и кусты – нет ли погони или какой-нибудь другой угрозы.

– Репей отправился отгонять твой «фольксваген». Планы немного изменились, в штабквартиру мы сейчас не едем. Как прошло? Нормально?

– Вполне, – она открыла дверь со стороны пассажирского сиденья, однако не спешила садиться, вытащила телефон. – Сейчас, отзвонюсь Роннани...

– Он наверняка не ответит. И Один тоже. Отзвонись Ирландцу, он передаст, нормально или нет прошла беседа, а подробности позже.

Телефон Роннана действительно оказался выключен, телефон Одина на вызов не реагировал. Пожав плечами, Кайндел последовала совету и коротко доложила старшему офицеру ООН, который был в курсе ее дел, после чего забралась в машину. Никто не задавал ей никаких вопросов, хотя, возможно, и сгорал от любопытства. Почти все бойцы и курсанты инстинктивно понимали, что такое тайна и зачем ее нужно хранить в круге тех, кто непосредственно имеет к ней отношение. А уж офицеры – тем более. Может быть, сказывалось давнее совет-

ское прошлое, или же просто внутренняя зрелость большинства оэсэновцев, однако, признавая справедливость поговорки «меньше знаешь – крепче спишь», они старались не любопытствовать.

Едва девушка заняла свое место и пристегнула ремень безопасности, Эйв вырулил на проезжую часть и прибавил скорость.

– Куда мы едем? – полюбопытствовала она.

– Нас отзывают на побережье, срочно. Как я понял, Один решил, пока суд да дело, разобратся с нашими новоявленными викингами. В смысле, водными бандитами. То ли время свободное образовалось, то ли острая необходимость внезапно появилась... Ну там посмотрим, – он недовольно поджал губы.

– Ты считаешь, это не оправданно?

Хотя и сидя за рулем, он нашел мгновение коротко и выразительно покоситься на спутницу.

– Не тема для обсуждения, Кайндел. Мы же не за чашкой чая.

Намек она, конечно, поняла. Обернулась к Илье и Роману, которые сидели поближе, и едва заметно пожала плечами, мол, будет видно, что нас ждет впереди. Они не настаивали. Да это и не имело особого смысла. На третьем году обучения курсантов ОСН уже не столько учили, сколько натаскивали и заодно использовали в качестве боевого резерва. А поскольку резерв требовался почти постоянно, группы то и дело срывали со стрельбищ или с занятий по магии. Курсанты, собственно, уже привыкли к подобному порядку.

Поэтому Горо и спал, раскинувшись сразу на двух креслах – он набирался сил в предвидении драки. Отец Сергей тоже прикорнул в уголке над молитвенником. И, посмотрев на них обоих, Илья с Романом почти одновременно примерились поспать хоть немного. Только Лети сдержанно поблескивала глазами со своего места и тискала рюкзачок с аппаратурой.

– Как насчет остальных групп? – полюбопытствовала девушка, поудобнее устроиваясь на сиденье.

– Кто-то уже должен быть на берегу, корабль принимать, а кто-то, как и мы, едет. Все должны прибыть на место к четырем часам вечера, там же и будет проведен краткий инструктаж. Думаю, никто не задержится. Я с самого начала говорил, что прочесывание города силами людей, которые в ситуации не разбираются, – дело бессмысленное.

– Если уж строго, то и я не слишком разбираюсь в ситуации. И не могла бы разбираться, пока не посмотрела.

– Ты хотя бы знаешь приблизительно, где искать, что искать, – остальные и этого не знают. Ну ладно. Если их поиск дал какой-то результат – слава богу. Если нет – тоже нормально. Поисковая практика группам на пользу. Как и боевая... Кстати, чаша-то при тебе?

– Куда она денется...

– Ну мало ли. Есть хочешь?.. А кто-нибудь еще хочет?

– Я хочу, – тихо сказала Лети и приняла от Кайндел сверток с бутербродами. – Спасибо.

– Еще кто-нибудь?

– Они спят все, – подсказала девушка, оглянувшись в глубину салона.

Эйв посмотрел на курсантку с усмешкой.

– Тоже вздремни. А?

– Я не хочу. – Кайндел откинула голову на подголовник.

Она не спала, а обдумывала свою беседу с Хагеном. Беседа окончилась ничем, и это не радует. Проблема в том, что глава сообщества оборотней – не тот человек, которого можно дожать, даже имея хороший козырь в руке. Нет, он не упрям и здравомыслием отличается не меньшим, чем, к примеру, Один или Роннан. Просто у него совершенно особенный взгляд на вопросы ведения войны. Он всегда был жестким и неподатливым, никому не позволял диктовать себе условия, всегда предпочитал вести, нежели быть ведомым. Хаген, пожалуй, предпо-

чел бы поставить себя и своих людей в опасное, угрожаемое положение, если б только у него появилась надежда перехватить инициативу в свои руки. Он не доверял стороннему разуму, полагался только на себя.

Так что Одину придется приложить большие усилия, чтобы даже в подобной ситуации склонить его на свою сторону. А потом как-то вынудить к последовательности, добиться, чтобы оборотни не ударили ему в спину при первом же удобном случае. Здесь мало что будет означать заключенный договор – любые договоры опрокидываются с легкостью, важна лишь заинтересованность сторон в их соблюдении.

«Это уже не мое дело, – подумала Кайндел. – Курьером я сработала, отчет Политику сдам, остальное пойдет уже не под моим контролем».

Она понимала, что происходит и почему Одину нужен союз с оборотнями, причем прямо сейчас. Собственно, получив задание поговорить с Хагеном, она теперь ждала следующего – переговоры с Иедаваном, Иавернским правителем, своим названным братом. От него тоже понадобится военная помощь.

«Ты знаешь, кто скорее всего выступит на стороне ОСН, – сказала она себе. – А что насчет Круга? Кого они сделают своим союзником?»

Здесь сложно было делать какие-то однозначные выводы, и все потому, что точное число орденов и гильдий, действующих на территории России сейчас, а также их «идеология», направление их интересов, не было известно. Время от времени девушка задумывалась о том существе, с которым когда-то столкнулась у кузницы. О существе, которое выступало на стороне Круга и называло себя драконом. Не без оснований, кстати... Где оно? Почему давно не появлялось? И одно ли оно такое?..

– Вы в Москве видели давешнего дракона? – спросила она, не открывая глаз.

– Я думал, ты спишь.

– Я ж сказала – не хочу.

– Если женщина говорит «нет», это значит «может быть».

– Не всегда. Или я не женщина. Настоящих женщин в классическом понимании этого слова сейчас почти не осталось. Только поговорки... Так видели или нет?

– Дракона?.. А, ты о том парне, который чуть Одина не пришиб?

– Да, слышала я что-то такое...

– Ты знаешь, сам я никаких драконов не видел. От остальных ничего конкретного не слышал.

– Меня только одно беспокоит – не появится ли на стороне Ночи еще с десяток таких. Тогда нам тяжело придется...

– Тут уж, как говорят женщины, одно из двух – либо появится, либо нет!

– Женщины иначе говорят. Но это не суть важно. Война, понимаешь ли, такое дело, где нельзя надеяться на авось или предаваться фаталистическим рассуждениям.

– Единственный путь получения исчерпывающей информации на эту тему... Нет, их два – купить у техномагов или заслать шпиона. Как думаешь, удалось бы «заслать» тебя?

– Ну, в принципе... – Кайндел задумалась. – Не знаю. Засылать кого-то – рискованная игра. Да Один и не согласится на это. Он станет доверять мне лишь до тех пор, пока я буду у него на глазах. Что, в общем-то, естественно. Есть еще вариант завербовать кого-нибудь. Но это длительный процесс.

– А если нет источника информации, то приходится действовать наобум. Или гадать. Ты вообще способна отгадать, какие у них силы? Ну там, с помощью наркотика...

– Ну, Эйвушка, на удачу при использовании «снега» столько же шансов, сколько и при простом угадывании. А угадывание – это не для меня. Я никогда не угадываю. Понимаешь, в чем тонкость – я только теперь начала понимать, что для меня «снег» – всего лишь дополнительное средство, помогающее проще, легче и быстрее проделать ту же работу, которую делает

моя голова при участии моих особых навыков. Просто помогающее структурировать и обработать имеющуюся информацию, которая хранится как в сознании, так и вне его. Так что здесь «снег» погоды не сделает. Я по идее должна справиться и без него. Было б что обрабатывать.

– А кто, собственно, может обладать нужной нам информацией, как думаешь? У кого ее добыть?

– В том числе и у Хагена. Поэтому Один отправил меня к нему.

– И как? Информацией он поделился?

– Нет. Но есть надежда, что поделится. Все зависит от дипломатического дара главы ОСН.

Они замолчали и на этот раз, хоть и по отдельности, задумались об одном и том же. О грядущих боях, конечно. Шреддер думал, что, пожалуй, не так уж плохо у Организации обстоят дела и у них есть все шансы выиграть эту войну. Что может противопоставить им Круг? Магов? Так у ОСН этих магов теперь не меньше. В Москве ни одна, ни другая сторона не смогла дожать друг друга, уличные бои постепенно сошли на нет, и Один условно решил считать, что стороны завершили военные действия вничью. Что же касается новых разработок, то в лабораториях на хорошо укрепленных подземных этажах карельского убежища ребята из Организации на пару с техномагами, которым пришлось немало заплатить за помощь, торопились закончить расчеты и выдать наконец первый экземпляр магического орудия.

Эйв знал, что его девушка об этом знать не должна, но был уверен, что она знает.

Кайндел же пыталась понять, почему на этот раз у нее не складывается единая картина происходящего, из которой удалось бы сделать выводы и составить приблизительные прогнозы. Казалось бы, информации достаточно – анализируй в свое удовольствие. Однако ничего не получается. Не складывается. Провал. Черная дыра. Круг наверняка пользуется – должен пользоваться – чьей-то поддержкой, у него имеются союзники. Непременно должны быть. Вот только кто?

Круг что-то планирует. Это чувствуется и чувствовалось раньше. Девушка выдвинула предположение, что тамошние чародеи хотят тишком построить в городе магическую систему, которая будет отнимать часть, либо всю энергию у обоих источников, принадлежащих Организации, через Кайндел и мага по имени Найсу, помогавшего ей создавать выборгское средоточие. Либо же попытаются объединить все три области магической напряженности, и опять же под своим контролем. Однако, хотя ее предположения были приняты, внимательно рассмотрены, сейчас проверялись и были далеки от подтверждения или опровержения, Кайндел уже чувствовала – тут что-то не так. Не смогут они использовать ее источник в обход нее и – что главное – не попытаются. Уж это она почувствовала бы. А прежде чем строить систему, надо же было попытаться определить, как и откуда за это братья.

Однако никаких пробных манипуляций не было.

В этом случае спросить систему имеет смысл лишь в одном случае – если они рассчитывают, что михайловское и выборгское магические средоточия скоро окажутся в их руках. Означает ли это, что ребята планируют ее смерть? Почему бы и нет. Задание, данное прежде Рейру, мейстеру Смерть, Палачу главы Круга, Ан Альфарда, могло быть подкорректировано.

Эту мысль девушка восприняла более чем спокойно. Хотя своей реакцией была даже слегка удивлена. Узнав Рейра поближе, она стала бояться его чуть больше, чем даже Ринна Острие, советника главы Круга, за которым раньше признавала полное превосходство по способностям к магии, целеустремленности и безжалостности. Правда, возможно, ее спокойствие опиралось на огромное уважение, испытываемое к Рейру. Последний, конечно, заслуживал уважения.

Был еще один вариант, конечно – что она просто неверно поняла намерения чародеев Круга. Возможно, в их действиях была еще какая-то цель кроме магической или какая-то задумка иного порядка. Только это неправдоподобно. Что сейчас для них самое главное? Энергия, конечно. Или военная сила. Или то и другое. С чем могут быть связаны все эти то ли под-

готовительные манипуляции, то ли эксперименты магического плана в самом центре города? Остается только гадать. А гадать – это не дело.

Девушка приоткрыла глаза и посмотрела вперед, на дорогу. Шреддер спокойно вел машину, но, почувствовав ее взгляд, коротко и вопросительно взглянул на нее. Кайндел помотала головой. За ее спиной Лети корректно и тихо поела последний бутерброд с ветчиной, мужчины спали, развалившись в «объятиях» ремней безопасности.

– Надумала что-нибудь? – спросил куратор.

– Увы...

– Ты все-таки подумай насчет вербовки. Мне эта твоя идея очень понравилась. Уверен, наши тебя поддержат, особенно если ты сможешь обосновать свою позицию. А ты сможешь, уверен.

– Я подумаю, – пообещала она, вздыхая.

И углубилась в свои мысли.

Корабли, ожидавшие курсантов, были из числа все тех же деревянных лодий, построенных реконструкторами по старинным схемам, с максимальным соблюдением средневековых технологий. В конструкции их едва ли с ходу удалось бы отыскать хоть одну металлическую деталь. У этого был свой практический смысл. Пару лет назад оказалось, что многие типы защитных заклинаний, положенные на корабль, чтоб обезопасить его от вражеской магии, в виде побочного эффекта за секунды разъедают железо ржой, а пластик просто плавят.

Конечно, такое происходило не со всеми сортами металла и не всегда, но, как оказалось, именно тот сплав, из которого чаще всего делали обшивку кораблей, быстрее всего поддавался подобным чарам. Металл для оружия изготавливался и закалялся совершенно иначе, чем листовая обшивка, к тому же мало кто стал бы накладывать защитные заклинания не на себя, а непосредственно на оружие. В конце концов, если магия ненароком уничтожила твой меч – берись за топор или автомат. С кораблем сложнее. Если на берегу подобный эффект досаден, но не катастрофичен, то на воде – другое дело. Не защитишь лодку от огня или другой магии – останешься без лодки. Защитишь – останешься без лодки еще быстрее.

А вот дерево подобных шуток не выкидывало. Поэтому, составив подходящие заклинания для укрепления деревянного каркаса, сообщения ему водонепроницаемости, неподжигаемости и относительной несокрушимости, современные корабельщики решили не изобретать велосипед. В конце концов те же викинги строили отличные суда, да и другие народы отставали от них в этом деле лишь на пару-тройку шагов.

Кайндел помог подняться на борт ее знакомец. Она обладала отменной памятью на лица, поэтому легко припомнила, где и при каких обстоятельствах видела этого человека. Да на лодии же, везшей ее и Рейра в Сортавалу, конечно! Парень из дружины реконструкторов, обосновавшихся в Выборге. Из числа недавно прибывших к дружине. Он запомнил ее и в лицо, и по имени, поприветствовал радостно и тут же осведомился – артефакт при себе?

– А то вспомню, как мы от бандитов тогда улепетывали – сердце заходится. Вот был нырок! Вот полет!

– М-м? – промычала она, оглядывая лодию. Судя по всему, вокруг оказалось еще немало тех, кто помнил ее по тогдашнему магическому «подвигу».

– На этот раз летаем?

– Очень надеюсь, что в этот раз обойдется без полетов и нырков.

– А жаль, – подмигнул ей один из дружинников, уже рассаживавшихся по веслам, русоголовый долговязый парень, которому все никак не удавалось пристроить ноги под впереди стоящей скамьей.

– Да я б не сказала.

– Кайндел! – окликнул ее Шреддер. – На нос иди. И чашу доставай. Ребята – устраиваемся. Не путайтесь у мореходов под ногами.

Курсанты и выбранные им в поддержку бойцы из «отдыхающих смен» равномерно разместились по палубам. Кораблей было три: два построенных по древнерусскому образцу и один викингский, только почему-то не черный, а коричневый, крашеный. Девушка мало интересовалась подробностями путешествия, ее больше заботило, что понадобится от нее и ее магии, поэтому даже не заметила, как лодии отошли от пристани, а за ними двинулся драккар. Гребли недолго, скоро мореходы «поймали ветер», и грубое тканое полотнище паруса обрело форму.

– Что от меня-то требуется? – хмуро осведомилась Кайндел.

– Ну как что, – отозвался Эйв. Он тоже встал у носовой скамьи корабля, чтоб никому не мешать, и развернул огромную карту. – Как всегда, немного толковой и масштабной магии. Поскольку мы собираемся прижучить кой-кого, поддержка нам может понадобиться. Хорошо, если ребята предпочтут выяснять отношения на берегу, так будет проще и нам, и им. Но если нет, если решат подраться на воде, либо попытаться сделать ноги, то придется одерживать победу в озерном бою, малой кровью, могучим ударом. Над этим и поразмышляй.

– А откуда офицеры ООН узнали о местоположении стоянки викингов?

– А почему ты уверена, что речь идет именно о стоянке? – улыбнулся мужчина, опуская карту.

– Либо о стоянке, либо о захваченном поселке, ни о чем больше. Докажи, что я не права!

– И-эх, Айна, где ж субординация-то, а?

– Субординация в армии, – сильно понизив голос, ответила она.

– А мы с тобой где?.. Ладно, второе вернее.

– То есть викинги разграбили и разорили село, при этом там остался кто-то живой и здоровый, способный обратиться к Организации за помощью? Как-то умудрился это сделать почти сразу после нападения?

– Именно так. Смог, смог. Там еще много кто живой остался, потому что, как мы поняли по пояснениям, грабеж-то был, а вот убийств – почти нет. Мужики предпочли не сопротивляться.

– Ну и хорошо, – согласилась девушка. – Ты уверен, что бандиты все еще в поселке. Жируют. Если это так, можно было бы прихватить их на горячем.

– Увы. Сама подумай – ну пограбили, ну отдохнули. Им надо еще добычу до места дотащить. Вряд ли они рискнут остаться в поселке на ночь. Их же мужики бритвами по горлу пере-режут.

Она усмехнулась в ответ и принялась аккуратно извлекать из сумки чашу.

Артефакт был завернут в два слоя серебряной фольги, с которой следовало обходиться как можно аккуратнее, чтоб использовать подольше. Фольга ковалась вручную, один такой листок стоил почти целого дня работы хорошего кузнеца, а у мастеров имелись и другие заботы, помимо выковыивания листа фольги снова и снова. Вытащив наконец предмет и отложив обертку, Кайндел с удовольствием повертела чашу в пальцах.

«Прямо как тогда», – едва не сказала она Шредеру, который пока не торопился отвечать на ее улыбку. Потом вспомнила, что в прошлый раз рядом с нею был не он, и смутилась.

– Ведро воды бы мне.

– Забортная сойдет? – уточнил куратор.

– Разумеется. Именно она и нужна.

– Э-эй, парни, у вас тут имеется ведро?

– Такое же, как тогда?

– Сойдет!

Ветер бил ей в лицо – это было приятно. По-весеннему холодный, по-зимнему пронизывающий, по-осеннему влажный, он здорово бодрил и освежал. С тех пор, как чародейка практически перестала страдать от холода и жары, мир открыл ей те грани бытия, которые раньше

были недоступны либо не совсем понятны. Прежде банальный физиологический дискомфорт (хотя и не только он, конечно) не позволял ей существовать в одном ритме с природой.

Запустив пальцы в холодную воду, она задумалась. Беспокойство одолевало ее все чаще и чаще, и, поскольку побудительные причины любого изменения в собственной душе были ей, как правило, очевидны, она отлично понимала, в чем дело. Девушка просто-напросто боялась будущего. Всю зиму, работая и учась, она старалась внимательнее приглядываться к оэсэновцам, с которыми общалась. А общалась она со многими. В их числе она нашла двух оборотней (помимо двух уже известных), двух вампиров и всего одного альва, причем из подземных. Не слишком сообразительный, зато очень много знающий, начитанный, неповоротливый, но въедливый, упорный парень, слабый как боец, но отменный техник. Ему девушка ничего не сказала о своем «открытии». Решила не травмировать. Да и вряд ли бы он поверил. Во что? В то, что его вполне можно причислить к гоблинам? Сомнительно.

Других альвов, кроме них двоих, в ОСН не было. Случайность? Или закономерность? И что тогда здесь делает она? Может, Рейр в чем-то прав? Ей далеко не со всеми оэсэновцами удавалось найти общий язык. Большинство признавало ее в первую очередь потому, что она хоть и условно, но носила звание младшего офицера. Другим курсантам пока еще предстояло терпеливо ждать первого звания, кое у кого в личном деле числилось «рядовой», Кайндел первой получила офицерское звание. Она этим не гордилась. Наоборот, ей было неприятно, что ее званию придается большее значение, чем способностям.

Глупо было ломать себе голову по таким ничтожным поводам. Девушка понимала это, однако догадывалась также, что профессиональные особенности ее сознания неизбежно порождают и попытки между делом просчитать будущее, ужаснуться ему и удариться в переживания наподобие мук Умной Эльзы.

– Ага, вот они, родненькие! – вскричал Шредер и поднялся на носовую скамью, встал рядом с ведром воды и коленом Кайндел. Он смотрел в подзорную трубу.

Девушка приподнялась. Ей оптика была не нужна, она отлично видела и так. Четыре корабля. Четыре. Идут на веслах, значит, только отошли от берега, не успели распустить парус. Самый лучший расклад для начала погони. Мореходы приободрились, и куратор, отвлекшись от подзорной трубы, уже делал знак чародейке, чья специализация лучше всего соответствовала профилю погодной магии. Паруса следовало надуть потуже.

– Ты от меня-то что хочешь? – тихо спросила Кайндел, погружая чашу в воду. Заодно девушка мельком взглянула на наручные часики – три пополудни. Нормально, еще часов пять светлого времени в запасе есть.

– А что ты можешь, то и делай.

– Ладно. Давай зайдем с другой стороны. Как предпочтительней – топить корабли или добиваться какого-то иного результата? Если да, то какого?

– Что проще?

– Топить, конечно.

– Тогда топи. Но строго по моей команде. И строго те, которые укажу.

– Постараюсь. Обещать не могу, – девушка покусала нижнюю губу. – Мне нужны лук и стрелы. Штуки четыре.

– Какой лук?

– Нормальный.

– Мужики, есть лонгбоу? – крикнул Эйв.

– Обязательно нужен лонгбоу? – гаркнули в ответ с кормы. – А монгольский большой? Зверь, а не лук!

– Я им пользоваться не умею, – Кайндел отрицательно покачала головой.

– Слышь, мужики, не пойдет!

– Есть лонгбоу, – проворчал один из реконструкторов и с сопением полез под палубу. – Композитный, дуб и ясень, без оплетки, веревочная тетива. Пойдет?

– Вполне, – курсантка приняла у него из рук оружие и мешочек с принадлежностями к нему.

– Помочь натянуть?

– Сама... Сколько натяжение?

– Двадцать пять.

– Ого!

– Справишься?

– Попытаюсь.

Стрел оказалось намного больше, чем четыре. Каждую девушка осмотрела с придирчивостью сурового фанатика, повертела перед глазами оперение – и воткнула выбранные в ведро с водой. Те остались торчать вертикально, будто не в воде оказались, а в сугробе. Впрочем, и вода-то, сильно побелевшая, замутившаяся, больше воду не напоминала. Наполненная магией, упругая, будто резина, частичка Ладоги готова была указать дорогу стихиям, пока пребывающим в покое.

Корабли противника приближались. Им, собственно, некуда было деваться, потому что бежать от бойцов ОСН и реконструкторов вдоль берега, то есть едва-едва отчалив, – идея пустая. Среди камней, островков и мысов не развить большой скорости, там придется только маневрировать, и еще неизвестно, кто сманеврирует удачнее. Так и так необходимо было выходить на открытую воду, а это неизбежно приближало «викингов» к противнику. Тербя тетиву лука, Кайндел рассеянно наблюдала за действиями бандитов – их мельтешение на палубе она разбирала довольно отчетливо.

– У них корабли здорово нагружены, – сказала она. – Тяжело идут.

Шреддер с досадой потискал край карты.

– Сколько продовольствия зря пропадет!..

– Так не разрешишь мне топить корабли?

– А можно просто как-нибудь сбить им ветер, и так, чтоб наверняка?

– Ну ты же знаешь мою магию. Она слишком масштабна, чтоб так тонко ее дозировать. Я не буду прямо преследовать цель затопить драккары, но и гарантировать, что они останутся на плаву, не могу.

– Ладно, давай как получится. Жизни ребят дороже, чем мешки картошки.

Девушка поставила колено на деревянное сиденье, оперлась о него локтем и стала наблюдать за ходом погони. Пока все шло благополучно, расстояние между реконструкторами и бандитами неспешно сокращалось. Правда, это только пока. Видно было, что «викинги» поспешно ставят паруса. Они явно не горели желанием выяснять отношения классическим способом – с помощью оружия.

– Даже на четыре к трем не согласны, – заметила курсантка.

– А зачем им это надо? Людей у нас все равно больше. Кстати, из-за этого и корабли у нас ненамного легче их. Сама понимаешь.

– Вот когда они сообразят, что мы их все равно нагоним, картошка точно полетит за борт. Ни себе, ни людям...

– Увы, с этим придется смириться.

– А может, крикнуть, что нам только еда нужна, а они на фиг не сдались? – предложил Илья.

– А не надо врать. Мы, по большому счету, и без картошки обойдемся. Главное, чтоб и они без нее обходились в будущем.

– Обмануть врага – это ж, типа, такая военная хитрость! Главное, чтоб поверили!..

– Во-от где зарыта дворяжка! Они не поверят. Была бы это правда, я, может, и нашел бы убедительные аргументы. А так... Без шансов.

Судя по всему, преследуемые наконец справились с такелажем и парусом, и расстояние между кораблями почти перестало сокращаться. Зато головную лодью реконструкторов нагнал коричневый драккар – корпус у него был чуть уже, поэтому двигалось судно чуть быстрее. Шреддер покосился на новоявленного «соседа», а потом и на Кайндел.

– Готова?

– Сейчас. Подожди, – она отвлеклась от увлекательного зрелища и заглянула в ведро. Там все пребывало в относительно стабильном состоянии, и ничто не мешало готовить подходящие чары.

Девушка подняла лук.

– В которого целить? В последнего?

– Лучше в переднего. Чтоб он последующим по возможности перекрыл дорогу.

Курсантка посмотрела на небо.

– Тогда дай кормчему знак, чтоб он взял чуть левее. Мне будет лучше видно.

И сама поднялась на скамью, встала поустойчивей. Правда, с этим у нее давно не возникало настоящих проблем. Ее чувство равновесия становилось все более совершенным – она списывала это на изменения, происходившие с ее телом под влиянием магии. Корабль качало на ладожской волне, однако Кайндел держалась устойчиво, словно на твердой земле – к движениям палубы она приноровилась.

Лук действительно оказался тугой, поэтому, целясь, она лишь чуть подтягивала тетиву к себе. Попробуй держать ее у щеки и тем временем выбирать цель – тебя в лучшем случае хватит на пару-тройку секунд. Сила натяжения двадцать пять килограммов – не шутка. В какой-то момент нос лодии удобно вознесся вверх и парус переднего корабля появился перед ней как на ладони. Она быстро оттянула тетиву до подбородка и отпустила.

Ей казалось, будто стрела летит очень медленно, хотя на самом деле она резала ветер со стремительностью снаряда, пущенного из установки залпового огня. Проследить за ней взглядом сейчас могла разве что сама чародейка. Ветер слегка снес ее влево, так что вражеского паруса она не коснулась. Но это не имело значения. Миновав мачту вражеского корабля, стрела вспыхнула ослепительно, будто сверхновая, только очень уж маленькая, и взорвалась настоящим, пусть и крохотным, ураганом. Рывок и удар ветра пришелся прямо по туго выгнутому парусу «викинга», толкнул его назад, мигом изорвал в клочья, но при этом успел положить корабль на борт. Большинство бандитов, спешивших приготовиться к возможной схватке и воззившихся с оружием и доспехами, полетели за борт, остальные попадали со своих мест.

Как бы там ни было, корабль сбило с курса и швырнуло на соседнее судно. Тот, тоже с пострадавшим парусом, был вынужден резко сманеврировать, что само собой сказалось на скорости. Досталось и парусам оставшихся двух «викингов». Полотнища устояли, однако попутный ветер был потерян.

– От, отлично! – воскликнул Илья. – Никуда теперь не денутся!

– Вообще-то они сейчас сядут на весла, да и все, – заметила девушка, стряхивая воду с кончиком второй стрелы. Капли разлетелись мелкими упругими брызгами и растаяли в воздухе, не долетев до палубы.

Приготовилась стрелять. Но Шреддер медлил. Он напряженно и без особой радости следил за тем, как противник торопливо пытается как-то решить свои проблемы, недовольно почесывал подбородок свернутой картой и явно ждал чего-то. Кайндел тоже наблюдала за ними. Она видела, как плывущие люди цепляются за весла и борта других драккаров из своей команды, видела, как оставшиеся на бывшем головном корабле пытаются выправить его, однако безуспешно – слишком много воды черпнул. Она не понимала, чего хочет куратор, но терпеливо ждала, когда он подаст ей знак.

И когда это все-таки произошло, она уже сама выбрала лучшую цель. Взмах руки Эйва сработал лишь как подтверждение. Тетива щелкнула с гудением, стрела рванула край паруса на одном из преследуемых кораблей, и заболевшие кончики пальцев девушка поспешно сунула в рот. Сказывалось отсутствие практики – сгибы фаланг болели так, будто, зацепившись ими, девушка добрых полминутки повисела на проволочном «турнике».

Вихрь, завязавший в тугой узел парус и ветер, наполнявший этот парус, оказался не так силен, зато более решителен и краток. Он ударил в одну точку, не разбрасываясь, и результат последовал немедленно – мачта с впечатляющим треском завалилась на палубу, по дороге пришибла пару неудачливых «новых викингов» и ушла в воду вместе с обрывками парусины и такелажем.

Ветер дул настолько беспорядочно, что можно было считать дальновидными везунчиками тех, кто решил опустить мачту с парусом еще после первого выстрела Кайндел. Неразбериха воздушных потоков добралась и до лодий реконструкторов, но те оказались сообразительнее и расторопнее (а в действительности просто были предупреждены), свернули паруса раньше и разобрали весла. Чародейку обожгло холодным ветром, взлохматило волосы, залепило ими глаза. «Пора бы подстричься», – подумала она, проводя ладонью по лицу.

– Давай еще одну! – подбодрил ее Шреддер. – Туда, прямо перед ними. Как понимаю, вспышка ветра получается такой сильной, что и без парусов дел наделает.

– Не-а.

– Что случилось? Стрелять не можешь?

– Я все могу. Но не стоит, – вынув оставшиеся две стрелы из ведра, она показала ими вверх. Над головой потихоньку собирались облака. – Еще одно подобное заклинание может спровоцировать бурю. На фиг надо.

– Да уж, – протянул оэсэновец, опасливо глядя в небо. – Нам только бурь не хватало.

Кайндел вполне хватило времени, чтоб снять тетиву и, очистив стрелы от чар в кучке поваренной соли, уложить их в колчан к остальным. Владелец лука усердно ворочал веслом, поэтому, решив его не отвлекать, девушка глазами показала на лаз под палубу.

– Туда?

– А зачем ты тетиву сняла? – крикнул тот. – Сейчас будем сближаться, стрелять...

– Не подумала, – тетива вернулась на место. Курсантка положила лук на скамью, в сторону, и вопросительно посмотрела на Эйва. – Что мне теперь-то делать?

– Отойди в сторону и не лезь. Идет? – раздраженно бросил тот. Мыслями он уже весь был в предстоящей схватке.

Корабли сближались стремительно. На пострадавших «викингах» так и не сумели взять инициативу в свои руки, совладать с ситуацией, поэтому, хотя пострадали только два их корабля из четырех, остальные, хоть и посадили бойцов на весла, от погони уйти уже не надеялись.

Возможно, поэтому добыча и не летела за борт – какой смысл избавляться от нее в подобной ситуации? Назло врагу?

Над палубами поднялись упругие, видимые лишь магическим взглядом щиты, призванные сбереечь людей и от магии, и от пуль. Здесь помощь Кайндел не требовалась – такую защиту способен возвести любой чародей ОСН, она могла эффективно помочь лишь в одном – напитать чужие магические конструкции дополнительной энергией. Но пока это только помешало бы, потому что лишило бы магов возможности хоть что-то сколдовать сквозь подобный щит.

Она устроилась на носовой скамье, прижалась к фальшборту и, выглянув из-за носового бруса, стала наблюдать. Ей доставляло огромное удовольствие даже просто то, как шел корабль и как она воспринимала его движение именно отсюда. К тому же с этого места было на что полюбоваться. Однако, когда со стороны «викингов» полетели стрелы (кто-то пытался палить

из АК, однако быстро сообразил, что это бесполезно), Шреддер шуганул курсантку с насиженного места.

– Марш на корму!

Девушка пожалала плечами, но спорить не стала. На корме она сразу взобралась с ногами на скамью, встала рядом с кормщиком. «Кстати, можно будет заодно и его прикрыть дополнительной защитой, – сообразила она. – Полезное дело». Тот, опытный мужик, лишь с любопытством покосился на соседку, но, поскольку она ему не мешала, отвернулся.

– Тебя не прибьют? – полюбопытствовал он через минуту. – Вся на виду.

– Пока нет. Мы же все под защитой. А потом что-нибудь придумаю... Слушай, а что это валяется?

– Где?.. А-а... Цифровик.

– Фотоаппарат? Seriously?

– Вполне серьезно. Исправный, кстати, – кормщик усмехнулся. – Хочешь взять, битву поснимать?

– А можно? – она выпотрошила фотоаппарат из плотного, водонепроницаемого и противоударного чехла, повертела в руках. Быстро разобралась с основными кнопками. – Обалдеть! Что – действительно можно поснимать? Батарейки новые?

– Там не батарейки, а аккумуляторы. Слава богу, третий год пашут, без претензий. Магией чуток подправленные... Снимай. Хоть посмотрю, как все это со стороны выглядит.

Она взяла шнурок фотоаппарата в зубы, забралась на фальшборт и прижалась к кормовому брусу, высоко вознесенному над головой. Уцепилась за него левой рукой. Здесь фальшборт был крайне неудобным – наклонным, и если бы не ее великолепное чувство равновесия, удержаться здесь она не смогла бы, тем более, что волны то и дело поддавали снизу. Пристроившись более или менее устойчиво, Кайндел подняла фотоаппарат. Заходившие с трех сторон в атаку корабли реконструкторов стоили того, чтоб их снять.

Дабы не упустить кого-нибудь из бандитов, каждый целил в своего противника (благо четвертая их лодка находилась в таком плачевном состоянии, что ни бежать, ни атаковать не смогла бы при всем желании). В конце концов, если бой затянется, победивший поможет остальным – тем своим товарищам, кому придется туго. Бойцы, не занятые веслами, схватились за луки, а кое-кто уже решался бросать во врага дротик, хотя от последнего при отсутствии многолетнего опыта было крайне мало толку – дротики чаще не долетали до цели.

Появились и зачарованные стрелы, которым не были помехой обычные магические щиты.

– Эй, осторожней там! – крикнул девушке кормщик.

Она сделала еще один снимок и, перехватив левой рукой брус, отклонилась от него, пропуская стрелу мимо себя. Магия бурлила в ее крови, и бывали минуты, когда чародейке казалось, будто время замедлило свой ход, стрелы и дротики летели лениво, а люди едва шевелились. Она заметила того, кто целился в нее, и, поскольку подобная же идея могла прийти в голову кому-нибудь еще, решила все-таки для гарантии обезопасить себя отклоняющим стрелы заклинанием. Правда, магия мешала фотографировать, и в момент съемки защиту приходилось убирать. Но чародейка почему-то была уверена, что ее не зацепит. Поэтому избавлялась от чар со спокойствием философа.

Кайндел хладнокровно засняла, как лодия с бойцами ОСН и драккар бандитов сблизилась и сцепилась крюками на длинных прочных веревках. В этот момент корпус лодии изрядно тряхнуло, однако курсантка удержалась на фальшборте, хоть и с трудом. Подняв руку с фотоаппаратом, она спокойно и последовательно сняла начало драки, а потом отцепилась от бруса и прыгнула вниз, чудом увернувшись от брошенного в нее дротика. Проверять, насколько хороши отклоняющие чары, ей не хотелось.

Бой на корабле, как оказалось, представлял собой нечто совершенно необычное для большинства участвующих в нем. Применять магию в таком тесном контакте было неудобно, да и опасно, потому что подавляющая часть заклятий была из разряда недостаточно изученных, и они могли выкинуть какие-нибудь неожиданные «шутки». На земле это не так уж страшно, а на воде? Да еще там, где дерущиеся спрессованы, будто сельди в бочке?

И реконструкторы, и «новые викинги» привыкли выяснять отношения на земле. Здесь же, где палуба под ногами качалась тем сильнее, чем больше народу на ней прыгало и размахивало оружием, неуверенно себя чувствовали даже опытные мореходы. Если хотя бы на плечи не давило где пять, а где и все восемь килограммов кольчуги – уже было бы совсем другое дело. А так если ненароком полетишь за борт – бог его знает, чем все закончится. Оттого парни вели себя особенно опасливо. Оттого приступали к драке неуверенно.

Однако постепенно бойцы распалились. Кайндел взобралась на скамью, привстала на цыпочки и сделала еще с десяток очень удачных кадров.

– Давай, парни, поколоритнее, – подбодривала она, уверенная, что на ее окрик в общем шуме все равно никто не обратит внимания и она никому не помешает.

Еще один драккар, сцепившийся с лодией, медленно дрейфовал по ветру. Девушка, не захваченная общей схваткой, имела возможность смотреть по сторонам, что она и делала. Там фортуна явно склонялась на сторону оэсэновцев, хотя бы потому, что в их числе оказался офицер-чародей, Кериан, который, в отличие от большинства, умел пользоваться заклинаниями в толпе. Он вообще был крайне изобретателен, проводил много времени в лабораториях, с экспертами – то ли изобретая новое, то ли совершенствуя старое.

Он один сейчас значил в этой схватке больше, чем десяток бойцов. Время от времени замечая вспышки и хруст, напоминающий звуки лопающихся искр от фейерверка, курсантка понимала, что маг трудится в полную силу и врагу ничего не светит. Правда, поворачиваться в ту сторону с фотоаппаратом слишком часто она не решалась, опасаясь пропустить чью-нибудь атаку. Второй корабль реконструкторов – коричневый драккар – она не видела, да особо и не искала.

Ее больше интересовала схватка своих.

Кайндел вынула меч, но в драку лезть не стремилась. Для удобства, делая кадр, она втыкала клинок в дерево, или брала его под мышку. Кто-то швырнул в нее топор, пришлось уклоняться. Металл скользнул по выставленной защите, вышиб невидимые искры и погасил ее – должно быть, тоже оказался не без магии. Но девушку это мало волновало – построить еще одну, точно такую же, труда не составляло. Она выпрямилась и прицелилась фотоаппаратом прямо в «нового викинга» – дюжего, из-за доспеха кажущегося еще шире. Боец только что повалил противника на палубу и остановился в нелепой позе враскорячку, чтоб спокойно вдохнуть воздуха в легкие. Бой давался ему нелегко.

– Лицо сделай! – приказала она, фиксируя кадр.

– Ах, сука! – прозвучало в ответ, но негромко, потому что голос срывался.

Курсантка опустила фотоаппарат на скамью, подхватила меч и прыгнула вперед, стремясь поймать врага в тот момент, когда он будет перебираться с корабля на корабль и окажется наиболее беззащитным. Однако тот, заметив ее движение, лезть на чужой корабль не стал. Зачем (это не так и просто в кольчуге, поножах и шлеме с бармой, которые изрядно весят), если девица сама идет?

Возможно, имело смысл отскочить, предоставить другим разбираться с бандитом, но девушке словно вожжа под хвост попала. Возможно, захотелось попробовать себя в настоящей драке, а может быть, вперед ее толкала бурлящая в крови магия. Именно она приводила Кайндел в состояние, подобное эйфории, когда мир кажется простым, а любое дело – легким. Она перемахнула через борта сцепленных кораблей и первая атаковала «нового викинга».

Магическая энергия делала ее быстрее и ловчее, чем обычно. К тому же бандит был увешан железом, что здорово сковывало его движения. Доспехи, конечно, были магические, однако и меч курсантки представлял собой нечто большее, чем фигурный кусок особым образом закаленного металла. Уворачиваясь от тяжелого клинка, она не спешила атаковать противника, потому что понимала – ее оружие слишком легкое, чтоб пробить кольчугу или расколоть шлем. У нее имелся только один надежный путь – улучшить момент и воткнуть кончик меча в не защищенное доспехом местечко, либо расправиться с бандитом при помощи магии. Для этого тоже надо было ждать удобного случая, не так это просто.

Девушку то и дело пробивало на смешки. Она чувствовала себя почти неуязвимой (по крайней мере, до тех пор, пока рядом не появится еще кто-нибудь, жаждущий ее крови, или не приметя в нее что-нибудь швырять), поэтому прыгала перед противником, дразня его своей неуловимостью. И в тот момент, когда боец в раздражении слишком сильно махнул своим оружием и его развернуло как раз очень удобно для удара, тело Кайндел все сделало за нее. Едва контролируя свои действия, она развернулась на пятках, и, используя весь свой вес, всадила меч под ребро бандита, как раз в пройму кольчужного рукава.

И отскочила, понимая, что у поверженного, но еще живого врага есть еще время и возможность отомстить ей.

А потом рядом с ней появился Шреддер, злой и наполовину обсыпанный мукой, словно ломоть рыбы, приготовленный для жарки.

– Что ты здесь делаешь?! Я велел тебе оставаться на нашем корабле!

Всю эйфорию девушки словно ветром сдуло. Она угрюмо покосилась на белого от муки и ярости Эйва и пробормотала:

– Извини, так получилось.

И полезла обратно на лодию.

Бой как-то сам собой угас. Убитых с обеих сторон было не много, однако «новые викинги» быстро сообразили, что преследователи будут «бодаться» до последнего, и в большинстве своем предпочли сдаться. Кто-то кинулся за борт, надеясь доплыть до берега – таких отстреливали в воде из автоматов, спокойно, без спешки. Кто-то засел на корме за мешками с мукой и картошкой. Этих решили пока оставить, чтоб зря не класть людей – все равно им некуда было деться. Пленников вязали без церемоний и приматывали кого к скамьям, а кого к мачте – для надежности.

Отвлекаясь от дела, Шреддер поискал глазами коричневый драккар и, убедившись, что там тоже никто особо не нуждается в помощи, трубно скомандовал:

– Поворачивай к берегу! – и, обернувшись к Кайндел, коротко приказал: – Займись ранеными.

Она не стала спрашивать, зачем было гнать ее на лодию, раз раненые лежат на палубе чужого корабля, без возражений снова перемахнула через два сцепленных борта, уже с чашей в руках, и склонилась над первым пострадавшим. Вздохнув, принялась выковыривать его из покореженной кольчуги. Единственное утешение – не ей одной мучиться с ранеными, всем магам предстояло принимать в этом участие.

Девушку не волновало, что ей придется путешествовать на чужом, поврежденном ею же корабле, в обществе добрых двух десятков пленных бандитов – как только она поняла, что у парня задета печень, ей стало не до своих переживаний. Мысленно ругаясь, она ковырялась в теле прочно потерявшего сознание страдальца, составляя изошренные заклинания для восстановления кровотока и разорванных тканей печени, и лишь фыркала, когда ей осторожно предлагали помощь.

Парень пришел в себя от сильной пощечины и боли – так она поняла, потому что после шлепка он закричал и свернулся клубочком. Отмахнувшись от него, чародейка перебралась к другому – с полуотрубленной рукой и круглыми от звериного ужаса глазами. Ему сумели оста-

новить кровотечение, поэтому парень был в сознании и даже в относительном порядке (правда, пребывал в шоке, поэтому боли не чувствовал), он вполне осознавал, что с ним произошло, и едва сохранял здравость мышления, наблюдая за тем, что у него происходит внутри плеча.

– Елки, до чего вы все неосторожные! – рявкнула Кайндел, извлекая из раны обрывок льняной стеганки. – А щит тебе зачем? Затылок чесать?

– Слушай, я жить-то буду? – осторожно, с сильной хрипотцой осведомился он.

– А смысл?.. Парни, есть водка?

– Есть спирт.

– Дайте ему. Пей.

– Я не пью спирт...

– А я не пришиваю отрубленных рук. И что? Разойдемся по своим углам? Пей, или будешь без руки ходить, – она раздраженно проследила, чтоб парень, кривясь и морщась, допил стакан до дна. – Ну как? Хорошеет?

– Ты шить-то будешь? – осведомился раненый. – Или все больше болтать?

– Значит, хорошеет. Отвернись.

Возвращать на место полуотрубленную руку оказалось чуть полегче, чем восстанавливать печенку, но даже при этом через полчаса Кайндел ощутила, что у нее кружится голова и магии на ее долю сегодня, пожалуй, многовато. Поэтому, когда рядом с ней присел на коленях один из реконструкторов с большой аптечкой в руках, она охотно отодвинулась, дала ему место рядом с пострадавшим. Парень, судя по взгляду и решительным движениям – медик по профессии, внимательно разглядывал результат ее трудов и задумчиво обрызгивал все вокруг (включая палубу, колени девушки и ее руки) хлоргексидином из пластиковой бутылочки.

– Может, лучше спиртом? – осторожно осведомилась курсантка.

– Не надо больше спирта! – возмутился раненый.

– Спирт в свое время, хлоргекс – в свое... Ну, что? Можно шить?

– Будет очень кстати. Устала я, сил нет сращивать.

– Парни, холодильник не потеряли? – крикнул медик.

Бойцы, уже заканчивающие снимать крючья, плотно сцепившие два корабля, остановились, что-то обсудили. Потом один из них полез под палубу, покопался там и продемонстрировал окружающим большую синюю сумку-холодильник.

– Это? Сейчас, кину...

– Я те кину! – заорал парень, едва не роняя с колен аптечку. – Все ампулы мне переколешь! Аккуратно, на вытянутых руках принесешь, швыряла!

– Зачем обезболивающее-то? – осторожно спросила Кайндел, подставляя продезинфицированные руки под мисочку с инструментами. – Я уже кое-что подколдовала...

– И напоила, ага... Я не обезболивающее буду колоть, а противостолбнячную сыворотку.

Держа на вытянутых руках инструменты и пакет с марлевыми тампонами, девушка отдыхла. Магия, словно пернатая струна, звенела вокруг, но ее больше не касалась. В тон магии звучало и уставшее тело чародейки. «Если ты будешь продолжать в том же духе, надолго тебя не хватит», – подумала она, но очень вяло. Как ни крути, но все, что она делала, было необходимо. Медик ловко орудовал иглой, и раненое плечо реконструктора все больше и больше приобретало сходство со здоровым. Аккуратно обрезав нитку, он наложил тампон, клейкую полосу наподобие широкого пластыря, а потом зафиксировал руку повязкой.

– Можешь сделать так, чтоб воспаления не было? – спросил он, складывая инструмент.

– А? Я? Могу... попробовать... Я же не врач, не знаю механизмов возникновения воспаления и так далее...

– Ну продезинфицировать можешь? Или хотя бы посмотреть, нормально ли это сделал я? Можешь?

– Сейчас нет. Попозже.

– Ладно, попозже. Пойду, посмотрю еще одного раненого. Сможешь – помоги.

Но она осталась сидеть. Откинувшись на скамью, где никто не сидел (помучившись, реконструкторы и оэсэновцы все-таки смогли поставить запасной парус), курсантка отдыхала. Чаша, которую она придерживала рукой, отзывалась легкой дрожью. Энергии в ней сохранилось еще предостаточно. Однако использовать ее Кайндел пока не могла – иссяк запас собственных сил. «Надо обдумать эту проблему, – сказала она себе. – Так не пойдет. Должен существовать способ проводить все эти масштабные действия мимо себя, чтоб так не истощаться».

А потом у нее завибрировал карман, где лежал мобильный телефон.

– Рассказывай, – устало проговорил Один.

– О чем именно? С бандитами мы тут расправились, сейчас направляемся к берегу.

– Ладно, про бандитов мне неинтересно. Расскажи о Хагене.

– Он был не в восторге. И энтузиазмом не кипел.

– Это понятно. Как думаешь, есть шанс чего-то добиться от него?

– Разве что шантажом.

– А без шантажа?

– Вряд ли... Разве что путем тонких ухищрений, убедив Хагена не только в том, что ему это выгодно, но и в том, что это он здесь все решает, а не плетется у кого-то на поводу. Есть у него такой бзик... Он должен чувствовать себя лидером.

– Это понятно. Что ты скажешь о его настрое? В чью сторону он скорее склонен смотреть?

– В свою. Втайне он был бы не против занять место диктатора. Только вполне отдает себе отчет, что сейчас это едва ли реально. У него слишком мало сил. Он из тех сторонников, кто без колебаний воткнет нож в спину, если это станет ему выгодно.

– Все сторонники таковы. Но ты полагаешь его перспективным?

– Да. Только этим не я должна заниматься, а ты или Политик, тот, у кого есть подобные навыки и способности. Что могу я? Разве что понять, правду человек говорит или нет, в чем он кривит душой, что пытается скрыть... А как уговорить – этого я не знаю.

Один хмыкнул.

– Знать, врет или не врет собеседник, и что он скрывает, тоже очень полезно. Да, я понимаю, переговоры буду вести сам. Ладно, расскажи, что ты видела в доме, где обосновались Хаген и его люди. Как можешь оценить их магический потенциал?

– Высоко. Но не в смысле энергетической наполненности, а, скажем так, в смысле самобытности. По нынешним временам оригинальность даже более ценна, чем тупой напор.

– Она во все времена ценна. Любой может догадаться, как прямо и безыскусно вмазать кулаком в зубы, но не всякий догадается, как сделать хитрый финт с пинком и поворотом. Я понял. Значит, думаешь, есть смысл стараться и пытаться?

– Думаю, да.

– Хорошо. Сейчас, когда доберешься до поселка, бери машину и поезжай на канал Грибоедова, в штаб-квартиру. Ты должна быть там до темноты.

– Что-то случилось?

– Ничего из ряда вон выходящего. Набросал отчет, после чего отправишься в Иаверн. Иедаван связался со мной, попросил твоего присутствия во время какой-то тамошней церемонии, связанной с решением судьбы тамошнего трона. Думаю, ты эти тонкости понимаешь лучше.

– А-а... Один, ты ведь понимаешь, я думаю, что в данном случае от меня потребуется. Иедаван хочет продемонстрировать меня иавернской знати, чтоб упрочить свое положение.

– Разумеется, я понимаю. Поэтому отпускаю тебя на целых три дня, хотя твое присутствие здесь было бы очень желательно, крайне желательно, я бы сказал. Мне хотелось бы, чтоб ты обеспечила Иедавану корону, если это возможно.

Кайндел помолчала.

– И ты готов дать мне карт-бланш? В смысле, для достижения этой цели?

– Пожалуй, – в голосе главы ОСН звучало сомнение. – В разумных пределах, конечно.

– Тогда сообщи охране в штаб-квартире и при заклинательном покое, что я приведу с собой одного человека, за поведение которого я ручаюсь, не надо его задерживать и проверять.

– Хорошо. Что-то еще нужно?

– Нет. Остальное я сделаю сама. И, раз уж ты хочешь от меня отчет, может, прикажешь кому-нибудь меня отвезти? Чтоб я по дороге что-нибудь быстренько наваляла?

– Ты вполне можешь отложить написание отчета на время отдыха в Иаверне, я не возражаю. Но отрывать от дела еще одного бойца, мне кажется, лишним. Ребятам еще предстоит зачищать берега и искать место, где бандиты обосновались на зиму, им нужен каждый человек. Или это тоже твое условие?

Поколебавшись, девушка решила, что присутствие постороннего, пожалуй, будет даже лишним.

– Нет. Я обойдусь. Только пообедаю и сразу в путь. Не волнуйся, до ночи я буду в штаб-квартире, если ничего не произойдет.

– Буду ждать устного отчета. – И отключил связь.

Когда драккар все-таки добрался до берега, на сушу ей помог спуститься сам Эйв Шреддер, который терпеливо ждал, пока до берега доберутся все корабли, свои и трофейные. Один из захваченных драккаров – тот, который перевернулся, – сумели дотянуть до мели и там посадили, в надежде чуть позже или, может быть, даже на следующий день все-таки разгрузить его. Куратор уверенно распоряжался, указывал, куда нести раненых, одновременно что-то объяснял хмурым мужикам из разграбленного поселка, показывая в сторону корпуса корабля, немного похожего на кита, который залег на мелководье. Теперь же мужчина отвлекся, оглядел пленных и в одного из них ткнул пальцем.

– Этого вытащите на берег, поближе к костру... Как ты, Айна?

– Нормально. Оклемалась уже... Эйв, тут есть какая-нибудь машина? Которую я могу взять.

– А зачем?

– Я созванивалась с Одином, он мне передал кое-какие инструкции.

– Понял. Разумеется, найдем. Только перекуси и помоги мне, будь добра. Надо допросить одного из этих горе-«викингов», где находится их база. Ну понимаешь... Я буду вопросы задавать, а ты смотри, врет он или нет. Ага?

– Без проблем, – вздохнула девушка. – Только карту мне перед этим покажи, пожалуйста. И дайте мне что-нибудь поесть, я посижу, послушаю.

Кайндел взяла тарелку супа, который женщины из поселка торопливо варили для реконструкторов и оэсэнцев, и устроилась у костра, в паре шагов от места, где посадили пленника. Суп, конечно, получился жидковатым, потому что бандиты выгребли все припасы подчистую и готовить пришлось из свежей зелени и просыпанных из мешков овощей. Но курсантку даже радовал этот факт, потому что ей не столько есть хотелось, сколько похлевать чего-нибудь приятно-теплого.

Пленник смотрел на Шреддера с насмешкой.

– Да нет у нас никакой базы. Зачем? Мы встаем временным лагерем, живем, потом собираемся и идем дальше. Зачем нам где-то надолго обосновываться? Чтоб было, где нас накрыть?

– Ага, зимой, видимо, тоже в палатках ночуете, – поморщился куратор. – Или в иглу из снежных глыб. Ври да не завирайся.

– Ну, зиму мы почти всю перезимовали в Импилахти, так мы туда больше не вернемся.

– Будет врать-то, – протянула Кайндел. – В Импилахти вас не было.

– Нет у нас стационарного лагеря.

– Врет? – спросил Эйв у курсантки.

– Врет, конечно, – отставив тарелку, девушка подошла к пленнику и посмотрела на него с любопытством. – Так, ну, Волховская губа, конечно. Новая Ладога? Ага...

– Ты-то откуда это можешь знать?

Впрочем, лицо пленника изменилось настолько зримо, что это заметил даже Шреддер. Он с удовлетворенным лицом откинулся назад и одобрительно посмотрел на курсантку. А та снова взялась за тарелку, словно бы напрочь потеряла интерес к допросу. В какой-то степени ее равнодушие было показным – ну кому, в самом деле, может оказаться неприятным лишнее подтверждение собственного профессионализма?

– Догадалась, – проговорила она.

– А в самом деле, как? – спросил ее куратор, когда пленника увели, а девушке уже выбрали подходящую легковую машину и заверили, что бензина в баке достаточно.

– Да ничего сложного. Он, что естественно, для отвода глаз назвал место как можно более далекое от настоящего. Он не решился назвать Сортавалу. Все-таки город крупный и явно в обороне против бандитов. Выбрал небольшой поселочек поблизости. Видимо, именно они его год назад разграбили. Мне оставалось только подобрать наиболее подходящее местечко на южном побережье. А по реакции я поняла, что не ошиблась и в определении населенного пункта.

– Ага, то есть, чтоб не выдать тебе местоположение базы, ему следовало вообще не называть никаких мест?

– Да он мог и просто молчать. Я б потратила чуть больше времени. На пару минут. Все равно б узнала...

– А как?

– Слушай, могут быть у меня свои профессиональные тайны? Как я могу объяснить тебе тонкости чтения по выражению лица?.. Ладно. Поеду я. Мне сегодня еще в одно место надо заглянуть, времени в обрез.

Он оглянулся и, убедившись, что на них никто не смотрит, приобнял ее за плечи, прижал к себе.

– Господи, как я соскучился...

– Вроде видимся регулярно.

– Да это ж совсем другое дело! Айна...

– Надеюсь, когда вернусь, у нас с тобой выпадет хоть полвечерка, – вздохнула она и мягко освободилась из его объятий.

Кайндел поднялась по лестнице на четвертый этаж, отыскала нужную квартиру и нажала кнопку звонка. Она не сомневалась и не медлила, потому что все уже решила внизу, у двери подъезда. Там ее обуял настоящий страх. В конце концов, что она могла ожидать сейчас? Всего чего угодно. Рейр – человек долга, вернее, человек задания, которое дано ему гроссмейстером Круга. Если он получил приказ взять ее в плен, он улучит удобный момент и именно это сделает. Если приказано убить – убьет. Опять же – улучив удобный момент. Может ли она поручиться, что этого не произойдет? Нет, не может.

Однако действовать надо, иначе незачем было сюда приезжать. «Похоже, я, как большинство женщин, готова переоценить свои чары и влияние страсти на мужчину», – безмолвно усмехнулась она, оправляя волосы.

В машине Кайндел переделалась в длинное темно-синее платье. Для того чтобы переодеться, ей пришлось заехать на канал Грибоедова (свои вещи она хранила в квартире Эйва), однако, как ей казалось, оно того стоило. Одевание из гардероба сестры Иавернского правителя она взяла в том числе и затем, чтобы проще было сразу перевести разговор в нужную ей плоскость. Самый простой способ перехватить инициативу в действии или разговоре – удивить оппонента. Рейр еще ни разу не видел ее в платье, при макияже и с украшениями.

Когда звонок отозвался в глубинах квартиры, ее сердце ухнуло куда-то глубоко-глубоко в бездну, во рту сразу пересохло, будто под колким зимним ветром. Девушка удержалась от того, чтоб облизать губы, и заставила себя улыбнуться. Это было необходимо, чтобы и в дальнейшем владеть собой – заставить себя хоть что-то сделать.

Рейр сам открыл дверь. Он посмотрел на Кайндел с деланным безразличием. Впрочем, напускное равнодушие в его глазах сразу сменилось любопытством. Он явно не ожидал хоть раз увидеть ее даже в своем районе, возле своего дома и уж менее всего – на пороге собственной квартиры. Его удивление и непонимание было объяснимо. Он довольно быстро взял себя в руки и слегка посторонился.

– Привет, – весело сказала девушка. – Можно?

– Разумеется. Проходи.

– Куда?

– В кухню, например.

Гостья решительно направилась к столу, устроилась на мягком диванчике, с любопытством поискала глазами кофеварку. Однако кофеварки не было, зато на полочке вместо кастрюль или тарелок были аккуратно расставлены пакетики и баночки с разными сортами чая. Имелось около десятка чайников разных форм и размеров, ступка и два пучка какой-то сушеной травы. И шесть турок самого причудливого вида, с длинными ручками. То ли тщательно вычищенных, то ли ни разу не использованных.

Не задавая никаких вопросов, не произнося ни слова, Рейр полез в навесной шкафчик, вынул пакетик с кофейными зернами и ручную кофемолку. Дело у него спорилось. Скоро перемолотый кофе был ссыпан в турку – самую причудливую из шести – и вместе со стаканом воды из банки с серебряной ложкой оказался на огне. Время от времени помешивая ложечкой в турке, Рейр даже не поворачивал к гостье головы, словно предоставлял ей полное право спокойно рассматривать интерьер кухни, а также себя.

Он был одет в потертые, обтрепанные снизу, мягкие от долгой носки джинсы и легкую футболку. Сам на себя не похож, он производил впечатление эдакого домашнего, добродушного, образованного мальчика, который с девяти до шести сидит в офисе, занимаясь общественно полезной маркетинговой деятельностью, а вечером едет домой через крупный продуктовый гипермаркет с выданным мамой списком продуктов, которые нужно купить.

И не поверишь, что вот этот человек является одним из мастеров Круга, сильным искусным магом, отличным бойцом, исполнителем самых деликатных поручений Ан Альфарда.

Рейр кинул в турку несколько кубиков льда из миски, отставил ее в сторону. Вынул из шкафа две фарфоровые чашечки.

– Утощения особого нет, гостей я не ждал. Есть кекс и печенье. Будешь?

– Да я вообще-то не есть приехала.

– Кстати, тебе к лицу это платье. И гребень, – посмотрел внимательно, с легкой, ничего не значащей улыбкой. Она поняла, что гостеприимный хозяин уже вполне справился со своими чувствами – с удивлением и недоумением – и пожалела, что он не дал ей возможность начать разговор раньше. Да, в лице Рейра она встретила достойного противника.

– Спасибо. Я, собственно, пришла полюбопытствовать – каковы твои планы на ближайшие три-четыре дня?

– Мои планы?

– Ну да. У тебя есть какие-нибудь неотложные дела?

– Пожалуй, нет, – молодой человек накрыл на стол и уселся напротив нее, на табуретке.

Он продолжал улыбаться, теперь уже с удовольствием, словно бы ему доставляло огромное наслаждение смотреть на нее. – А что такое?

– Ты хотел бы посмотреть Иаверн?

– Иаверн? Мир, с которым у ООН налаживаются все более и более тесные взаимоотношения?

– Ага. Не хочешь отдохнуть там денек-другой? В гостях одного из тамошних правителей?

– Вместе с тобой?

– Вместе со мной, – она невольно улыбнулась ему в ответ.

– Пожалуй... – Рейр не спеша пил кофе из чашечки. Кайндел пригубила тоже и, хотя не любила этот напиток, отдала должное его качеству. – Что брать с собой? Зубную щетку и меч?

– И что-нибудь из одежды. У тебя осталось что-нибудь средневеково-парадное от прежних времен? Или ты не играл в ролевые игры?

– Был такой грешок. Кое-что осталось. Сейчас соберу.

Оставив пустую чашечку, он ушел в комнату. Гостя не спеша допила свой кофе, помыла посуду и с интересом заглянула в холодильник. Молоко, сметана, банка маринованных перцев, самодельный майонез – где только умудрился достать! – растительное масло, колбаски – ого! – мягкий сыр, творог, кастрюля с вчерашним супом. Еще раньше она оценила фрукты в большой миске на столе.

– А хорошо живут адепты Круга! – весело крикнула она, убеждаясь, что в морозилке имеется изрядных размеров ломоть свежемороженого мяса.

– Хорошо живут мастера, – поправил он. – А что, разве этому вашему Одину не готовят отдельно?

– Я и хотела бы сказать, что офицеры, бойцы и курсанты все едят одно и то же, из одного котла, но не могу. Да, признаться, кое-что Одину готовят отдельно.

– Это везде так. Человеческая натура совершенно не изменилась оттого, что в мире появилась магия.

Девушка протерла стол, потом аккуратно расставила посуду на полке стенного шкафа. Когда она выглянула в коридор, Рейр стоял перед зеркалом в белоснежной сорочке, бархатных брюках и примерял черный с красной отделкой камзол. Костюм выглядел строго, но роскошно, он не имел примет какой-то конкретной эпохи, однако действительно казался средневековым. Романтически средневековым. Именно так выглядит герой древнего романа, когда он, оживленный искусно подобранными словами, встает перед внутренним взором читателя. Постепенно очищаясь от шелухи реального, прошлое встает в один ряд с легендами и сказками, где историческая достоверность – лишняя, даже мешающая подробность.

«Оказывается, он романтик», – подумала Кайндел.

– Я готов.

– Ну тогда поехали, – и ободряюще улыбнулась ему.

В машине он первым делом швырнул на заднее сиденье свою сумку и меч в ножнах с обмотанной вокруг них перевязью, после чего посмотрел на ее ноги.

– А это удобно – водить в платье?

– Нормально. Подол можно подвернуть, – продемонстрировала ему, как именно, и попросила. – Будь добр, веди себя сдержанно. Ага? Сам понимаешь, там ты чужой.

– Где? В Иаверне?

– Нет, для начала в штаб-квартире ООН.

– Ты что, решишься везти меня туда?

– А почему мне не стоит этого делать? Примешься дебоширить?

– Уж как-нибудь постараюсь сдержаться.

– Ну и замечательно... Пожалуйста, не смотри на меня так часто, а то возникает большое желание убедиться, все ли в порядке с лицом, а отвлекаться нельзя.

– Извини, – он отвернулся и стал смотреть в окно. Но почти сразу полез в карман, вынул мобильный телефон. – Да? Нет... Дела. Нет. Можешь передать, что ближайшие пять дней меня

в городе не будет. Нет, не скажу, – послушал, едва слышно усмехнулся. – Ну что тут можно посоветовать. Скажи своей хозяйке, Ирис, чтоб она не совала нос в мои дела.

Кайндел и сама не удержалась от улыбки. Она помнила Ирис, одну из самых преданных помощниц и сторонниц Ночи, и поняла, о ком, собственно, шла речь. Хотя услышанное и осмысленное никак не относилось к ее делам, не решало стоящих перед ней проблем, она испытала настоящее удовольствие напополам со злорадством. Но не сказала ни слова – глупо было бы вмешиваться в его отношения с координатором Алого Круга.

Почти весь путь до канала Грибоедова они проделали в молчании, но даже если один из них спрашивал о чем-то или отпускал замечание, оно совершенно не относилось к цели их путешествия или же к его причинам. Курсантка считала, что чем меньше слов прозвучит, тем меньше информации получит ее спутник, а это, возможно, даст ей лишние козыри в их игре.

Так же спокойно, как вел себя в кухне или в салоне автомобиля, Рейр выбрался на набережную близ штаб-квартиры Организации, рассеянно посмотрел на дежуривших поблизости охранников и спокойно направился вслед за Кайндел к двери жилого дома.

Она все-таки не решилась вести его в основной заклинительный покой, и, поскольку специалист из техномагов, обслуживающий телепортационную аппаратуру, согласился поработать с ней в квартире Шреддера, именно туда она и направлялась. Стараясь контролировать выражение лица, девушка надеялась, что спутнику не так уж заметны ее смятение и нервозность, но едва ли в самом деле рассчитывала на это. Конечно, он и сам по логике должен нервничать. Но держится так, словно ничего такого не испытывает. Разумеется, при желании она могла бы присмотреться повнимательнее и вычленить из взгляда все оттенки его чувств. Однако тогда шанс выдать себя будет куда выше. Зачем ей это, если впереди уйма времени?

Вадима, разумеется, совершенно не интересовало, кого именно ему предстоит переправлять вместе с уже знакомой ему Кайндел. Ее спутником серьезно заинтересовался Политик, который ждал появления курсантки вместе с пакетом документов и ноутбуком. Сложно было описать выражение его лица, когда он понял, кто этот молодой человек, и на несколько долгих секунд он явно колебался, стоит ли отдавать девушке принесенное. Однако все-таки отдал, проворчав едва слышно.

– Не знаю, что ты задумала и на что получила позволение, но буду вынужден обо всем рассказать Одину.

– Разумеется. Вы думаете, я рассчитывала, что это останется тайной?

– Не знаю, на что ты там рассчитывала, но я надеюсь, ты понимаешь, что творишь.

– Вполне. – Кайндел сделала Рейру приглашающий жест в сторону проявившегося из воздуха телепорта.

Тот шагнул в темный эфирный контур с усмешкой на губах – чародейка поняла, что он все слышал и сделал какие-то собственные выводы.

А по ту сторону, в Иаверне, их уже ждали Иедаван и некоторые из его придворных. Кайндел разглядела Илванхада, радостно кивнула ему, тот ответил не менее радушным поклоном. Девушке настолько часто приходилось пользоваться заклинительными системами для перехода из мира в мир, что она уже практически привыкла к неприятным ощущениям, связанным с этим. У нее лишь в самый первый момент помутилось перед глазами, и возникла мысль, что зря она все-таки пообедала, пусть и совсем легко. Обернулась к Рейру – тот был бледен до зелени, однако держался. «Любопытно, видимо, и у него опыт общения с телепортационной магией имеется», – подумала она.

Зал, в который вел телепорт, находился в том крыле замка, куда других курсантов ОСН не допускали и где Кайндел оказалась впервые после происшествия на местном суде. Он был сравнительно невелик, украшен колоннами из белого камня и имел красивый мозаичный пол. Девушка догадывалась, что, должно быть, геометрические фигуры из цветного мрамора нужны для того, чтобы по ним удобнее было рисовать знаки и схемы для построения заклинительных

систем. И даже если подобные приемы уже не применялись, все равно такая своеобразная отделка пола сама по себе настраивала на магический лад.

Иедаван сделал шаг к названной сестре.

– Представь мне своего спутника, – предложил он.

– Ах, да... Это Рейр, мой соотечественник.

Мейстер Круга коротко поклонился в ответ на приветствие правителя. Придворные смотрели на него во все глаза, словно на диковинное явление природы, хотя старались излишне не демонстрировать своего интереса – в этом мире пялиться было не принято.

Посмотрев на Рейра как бы чужими глазами, чародейка отметила, что в его облике проступает все больше и больше нечеловеческих черт, особенно заметных для того, кто умеет внимательно смотреть и тонко чувствовать. Вряд ли стоило ожидать, что все местные придворные отличаются большой чуткостью, однако они поглядывали на ее спутника так, словно не просто догадывались, а ясно видели его принадлежность к расе альвов.

На это она и рассчитывала, собственно. В то же время поддерживая себя надеждой, что разницу между обычным альвом и змеем-сиреной в человеческом облике они просто не способны заметить.

Рейр держался так, словно для него не было ничего более естественного, чем общаться с иавернской знатью и жить в местных замках. В ее покоях (слуги заверили, что за пару часов подготовят покои и для него самого, но эти часы надо было где-то провести) он осмотрелся со сдержанным любопытством, потрогал уложенные изысканными складками парчовые занавеси, одобрительно покосился на резную, черного дерева подставку для меча.

Покои эти представляли собой анфиладу из пяти комнат, не считая каморок для прислуги и ванной, отделанной зеркалами и черным полированным базальтом. Кайндел, привыкшая жить в тесноте высокоурбанизированного пространства, чувствовала себя здесь не слишком-то уютно. Но у простора были и свои преимущества – здесь, по крайней мере, можно было отдохнуть. Еще в прошлый раз она попросила внести кое-какие изменения в интерьер и теперь с удовольствием убедилась, что все ее пожелания выполнены.

Заглянула она и в гардеробную, где были красиво развешаны самые разные, в большинстве своем потрясающе роскошные, очень дорогие платья из ярких материй, покрытых ценнейшей вышивкой, которые она ни разу не надевала. Впрочем, и здесь обнаружили кое-какие изменения. Стоя в дверях, она несколько мгновений рассматривала новое одеяние, натянутое на манекен и выставленное прямо посреди гардеробной, а потом позвала Рейра.

– Как думаешь, для какой церемонии может быть пошито подобное платье?

Мужчина, шагнув через порог, оценивающе покосился на отделанное мелким жемчугом декольте.

– Я, конечно, не слишком разбираюсь в дамских нарядах, но, мне кажется, есть два варианта – либо для бракосочетания, либо для коронации... – Он вопросительно взглянул на нее.

– Так, бракосочетание явно отпадает... В остатке выбор небогатый. Думаешь, местный правитель настолько в себе уверен?

– А он претендует на иавернскую корону?

– Приходится.

– Ах, вот как?

– Вот так. В жизни всякое бывает, – она подошла, пощупала причудливо вырезанный,шитый золотом рукав. – С ума сойти, сколько труда. А представь, если оно теперь не подойдет!

– Так здесь, как я понимаю, намечается какое-то серьезное мероприятие?

– Я и сама не знаю. Мы с Иедаваном еще не беседовали... Как тебе здесь?

– Хорошо, – он провел рукой по волосам. – Действительно хорошо. Причем дело не в комфорте или там свежести впечатлений.

– В энергетике мира. Понимаю, у меня такое же ощущение.

– Да. Здесь состояние энергетики куда более благоприятно для альвов или чудесных животных вроде меня. – Он сам отметил эту шутку кривоватой усмешкой. – Куда более благоприятное, чем у нас на родине.

– Это пока. Со временем на родине все изменится в нашу пользу.

– Так ты потому меня и привезла сюда? – услышав это, она внутренне напряглась, внешне же продемонстрировала лишь вежливое внимание к его словам. Выражение лица Рейра тоже почти не изменилось. Он прекрасно держал себя в руках. – Узнать мое мнение по поводу перспектив этого мира для альвов и подобных мне существ? Тут же жили альвы, я так понимаю. Но сейчас их уже нет...

– Верно, тут альвов больше нет. Но я тебя привезла сюда по другой причине. Не потому, что хочу предложить Кругу перебраться сюда жить... – Молодой человек слегка усмехнулся, и Кайндел с облегчением поняла, что догадалась о направлении его мысли верно, и о ее резонах взять его в эту поездку он ничего не знает. – Во-первых, я действительно хочу показать тебе Иаверн и выслушать твои соображения по поводу местной магической системы – мне кажется, она перспективна, однако почему-то используется местными магами как-то странно. А во-вторых, мне нужна твоя помощь.

– Я слушаю, – заинтересовался он.

– Видишь ли, здесь к альвам особое отношение. Скоро ты это заметишь.

– Так...

– Я хотела бы обеспечить своему названному брату, Иедавану (да, так получилось, что мы теперь как бы родственники, и его судьба мне не безразлична), некоторое преимущество в борьбе за власть. Не потому, что ему нужна корона, или я полагаю, будто королевское достоинство моему брату необходимо. А просто для того, чтоб это преимущество упрочило его положение в целом. Дальнейшее меня мало интересует.

Рейр кивнул, как ей казалось, забавляясь и притом умиротворенно. Он тоже теперь пребывал в уверенности, что все-все понял.

– Ты хочешь, чтоб я вел себя так, словно за моей спиной есть огромная армия альвов или змей-сирен?

– Достаточно того, чтоб ты держался так, как держишься сейчас. И делал непроницаемое лицо. У тебя здорово получается. Местным вполне хватит доказательства того, что я – не одинокий альв, случайно попавшийся Иедавану на пути, что такие, как я, существуют еще.

– Понимаю. Нет проблем.

И, развернувшись, пошел разглядывать соседние комнаты. Было видно, что интерьер покоев заинтересовал его чрезвычайно. Ничего удивительного. Новоявленная сестра правителя появлялась здесь редко. Только один раз она просила внести некоторые незначительные изменения в интерьер ее комнат, в целом же помещение представляло собой типичное жилище представительниц знатных семейств Иаверна. По ним в какой-то мере можно было судить о местных нравах и традициях. Рейр придирчиво осматривал мебель, выглядывал в каждое окно, с любопытством наблюдал за служанками, накрывавшими на стол и готовившими постель.

Хотя отведенные для него покои вызвали у него еще больший интерес.

– Надо сказать, что обстановка комнат у меня и у тебя не сильно отличается. Забавно. Тут, похоже, не считают, что место женщины в кухне и в детской.

– Почему «забавно»? Ты с этим не согласен?

– Глядя на тебя – не согласен. Глядя на Ночь – согласен.

– Опа! Как интересно! С чего же вдруг?

– Так, ответил своим мыслям. – Он был раздосадован, что произнес это вслух.

– Но она уже не на кухне, получается, что там ей всяко не место.

– Ночь только вредит Кругу. Было бы лучше, если б ей это стало понятно.

– Я знаю тех, кто бы с тобой не согласился.

Рейр развел руками.

– Сколько людей – столько мнений.

На вечерней трапезе у правителя он вел себя несколько скованно и первое время все поглядывал на Кайндел, словно хотел убедиться, что берет нужные приборы (правда, большого их разнообразия местный церемониал принятия пищи и не мог предложить), что правильным жестом подставляет кубок под струю вина. Он пил много, но, казалось, совершенно не пьянел, смотрел на свою спутницу хрустальным, пронзительным взглядом, а на придворных и слуг правителя поглядывал с равнодушием небожителя. Любопытствующие, обеспокоенные, сдержанные и вопросительные взгляды, устремленные на него, игнорировал поистине царственно, словно всю жизнь провел в окружении интриг и подковерных боев.

«Как я правильно сделала, что взяла его сюда, – подумала Кайндел. – Безотносительно всего прочего».

А «все прочее» ждало своего часа. Девушка не собиралась форсировать события, да и не решила бы делать это – мейстера Смерть она давно признала одним из самых пронзительных людей, встречавшихся ей в жизни. Пожалуй, если б он озаботился обучением еще в детстве, из него мог бы получиться отличный оператор информации, наподобие нее. Притом, что он мужчина, а к подобной работе природную склонность имеют в первую очередь женщины.

Она без особого интереса и аппетита тыкала крохотной вилочкой в куски на подносах, которые ей протягивали слуги. Когда выбранный кусок оказывался у нее на тарелке, едва пробовала блюдо и ждала перемены. Кормили здесь обильно и сытно, но слишком уж необычно. К тому же сегодня чародейка уже ела, одного раза в день ее преобразившемуся физическому телу, как правило, вполне хватало.

Однако вызывать недоумение окружающих не следовало. Традиции Иаверна соблюдались свято, во время трапезы обращали внимание не только на положение гостя за столом и то, как часто ему предлагают поднос с едой или вино, но и на то, насколько много внимания он уделяет угощению – это было знаком доверия хозяину дома и собственного к нему расположения.

– Спасибо, что привезла сюда своего родича, – проговорил Иедаван на местном языке, но вполголоса, не для чужих ушей.

– Он мне не родич, но это вряд ли так важно сейчас. У меня не было времени навестить диаспору альвов и предложить путешествие кому-нибудь из них. Ты мог бы известить заранее.

– У меня не было такой возможности. Решался вопрос о месте и времени проведения, а также о возможности возведения стационарных телепортационных контуров... Я помню, ты занятой человек... – Иедаван позволил себе вежливую, уважительную улыбку. – Поскольку вопрос упирался во внеочередное использование больших объемов магической энергии, все получилось кое-как и слишком поспешно. Завтра первый официальный день и представление прибывших, на котором ты и должна появиться. Твой друг, если он не возражает, тоже.

– У нас с ним три дня. Правда, часть этого времени хотелось бы потратить на прогулки по окрестностям.

– Понимаю. – Иедаван, хоть и отличался редкостной неподвижностью черт, достойной маски, сумел лицом выразить, что ее желание отыскать удобные для альвов, но неподвластные людям средоточия энергии он в целом поддерживает. – Послезавтра ты и твой друг будете совершенно свободны от наших протокольных требований.

– А через день?

– Через день – большой обед. И бал. Прошу тебя – поприсутствуй хотя бы на обеде.

– Ну уж нет, – рассмеялась Кайндел. – Если уж обед, то и бал тоже, обязательно! Никогда в жизни не была ни на одном настоящем балу.

И, откинувшись на спинку кресла, она посмотрела в сторону Рейра. Тот задумчиво вертел в руке кубок, отделанный темно-алыми рубинами. Подоспевший слуга налил ему вина из

небольшого кувшина, который сразу же унес, не предложив никому больше. Мастер Круга посмотрел ему вслед и вынул из-за манжеты небольшой блеклый камень на цепочке. Цепочка была замотана вокруг запястья наподобие браслета, ее пришлось расстегивать, чтоб снять с руки. Мужчина покачал камешком над скатертью, а потом опустил в свой кубок.

– Зачем это? – удивилась Кайндел. Но уже через долю мгновения поняла, зачем. – Рейр, неужели ты думаешь, тебя здесь будут травить?

Она сильно приглушала голос, обращаясь к спутнику, хотя они разговаривали на русском языке, который здесь кроме Иедавана могли знать два-три человека от силы, и то плохо.

– Все может быть, – спокойно отозвался он, побалтывая камушком в вине. Вынул, внимательно осмотрел. Опустил в ее бокал.

– Ерунда. Что ты там надеешься найти?

– Кое-что уже нашел, – Рейр был по-прежнему спокоен и флегматичен. Он вынул камень из кубка и положил на скатерть. Невооруженным глазом было видно, что артефакт изменил цвет.

Недоумевая, Кайндел смотрела на него. Первая мысль, возникшая у нее: «Ты плохо работаешь, аналитик. Ты должна была заметить что-нибудь необычное. Тебе еще учиться и учиться, прежде чем ты станешь настоящим оператором информации». Это здорово испортило ей настроение. Поджав губы, она рассматривала выцветающий камешек.

– Что это? Я имею в виду, что за вещество?

Адепт Круга пожал плечами и спрятал цепочку в карман.

– Что-то медленно действующее. Физиологические изменения у тебя зашли уже достаточно далеко, чтоб этот «подарочек» не возымел действия. Поплохело бы, конечно, но организм бы справился. Правда, знать об этом местные не могли.

Девушка в задумчивости водила пальцем по ободку кубка.

– Ты не заметил, кто мне наливал вино? Из того же кувшина, что и тебе?

– Нет, разумеется. Нет, не заметил. Я не специалист по чужим душам и не оператор информации – тебе предстоит размышлять над тем, кто это мог сделать и кому это нужно.

– Ответ на второй вопрос я и так знаю. А как ты догадался, что в вине может быть «добавка»?

– У меня тоже есть свои маленькие секреты, – усмехнулся мужчина, и чародейка поняла, что он чрезвычайно доволен своей склонностью все всегда проверять «на всякий случай».

«Не догадывался, значит», – поняла девушка и посмотрела на Иедавана. Тот не смотрел на названую сестру, однако лицо у него было чуть более напряженное, чем обычно.

А ближе к ночи Кайндел с Рейром устроились на небольшой терраске, куда можно было попасть из ее покоев – попить чай. Терраса была остеклена, здесь было тепло и уютно даже в самые сильные морозы. В те дни и тем более ночи, когда вокруг разыгрывались метели, стекла залепляло снегом, и терраска превращалась в обычную комнату с глянцевыми стенами.

Но сейчас вокруг замка летняя жара только-только сменилась хрустальной чистотой ранней осени, едва ли треть начинала золотиться, и окна пока еще не закрывали ставнями. Девушка уже давно оставила надежду разобраться в особенностях времятечения Иаверна относительно ее родной Земли. Она подозревала, что такое хаотическое ускорение-замедление времени одного мира по сравнению с другим – совершенно нормальное явление.

Служанки расставили на столике блюда с угощениями, кипяток и чашки, чай же девушка заваривала сама. Здесь не знали подобного напитка, обходились другими, на вкус слишком странными для гостей из другого мира. Поэтому Кайндел обязательно брала с собой в Иаверн коробку чая, кило картофеля и упаковку орехов фундук. Ей не то чтобы хотелось перекусить (за столом правителя она наелась на пару дней вперед), да и жажда не особо мучила, но разве был какой-то другой вариант приятно и привычно провести время в беседе кроме как за чашкой чая и порцией мелких печенюшек?

Наверное, был, но в голову не пришел.

В ее теле гуляло вино – не отравленное, а вполне нормальное, и даже отличное, причем ровно столько, сколько нужно, чтоб чувствовать себя прекрасно и не опасаться последствий. Девушка здорово устала – но это, впрочем, совсем не удивительно, достаточно вспомнить, сколько всего ей пришлось успеть за один-единственный день. Судя по выражению лица, Рейр тоже с удовольствием расслабился. Он вертел в руках кусок местной выпечки, благожелательно поглядывал на чашку, но не торопился.

– Неожиданные выходные? – предположила она.

– Более чем неожиданные.

– Ты даже не связался с Ан Альфардом, не предупредил...

– Откуда ты знаешь... Предупредил.

– Для меня это все тоже довольно неожиданно, – вздохнула чародейка, чувствуя, что от персоналий Круга разговор нужно увести, чтоб в голову собеседнику ненароком не пришли всякие разные соображения и мысли. – По тону Одина было понятно, что он меня отпускать не хочет.

– А он всерьез надеется на помощь Иедвана, раз так рвется ему помочь?

– А это его нужно спросить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.